

# ТАМБОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВЪДОМОСТИ.

1 НОЯБРЯ

№ 21.

1865 г.

Выходятъ два раза въ мѣсяць: 1 и 15 чиселъ, съ Іюля 1861 года. Цѣна за годовое изданіе 4 р. 25 к. сер. съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редакціи Вѣдомостей при Тамбов. Дух. Семинаріи и у всѣхъ Благочинныхъ Тамбовской Епархіи.

## I.

### РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ.

#### УКАЗЫ СВЯТѢЙШІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СѢНОДА.

1) *Отъ 10 Августа 1865 года. О томъ, изъ какихъ суммъ слѣдуетъ выдавать чиновникамъ, при отправленіи ихъ къ должностямъ, впредь за треть года жалованье.*

Святѣйшій Правительствующій Сѣнодъ слушали предложеніе Господина Сѣнодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 18 минувшаго Іюня за № 5204, слѣдующаго содержанія: На основаніи 473 ст. III т. св. зак. и прим. къ ней, по продол. 1863 года, чиновники, при отправленіи къ должностямъ, имѣютъ право получать впредь за треть года жалованье, съ возвратомъ его въ казну посредствомъ ежемѣсячныхъ вычетовъ одной трети слѣдующаго имъ содержанія. Такія выдачи дѣлаются Управленіями изъ смѣтныхъ назначеній на содержаніе личнаго состава служащихъ и имѣютъ характеръ ссуды. Но при этомъ жалованье, выдаваемое впредь за треть года

изъ смѣтнаго назначенія текущаго года, возвращается въ казну частію въ слѣдующемъ году, слѣдовательно кредитъ текущаго года уменьшается на ту сумму, которая возвратится въ слѣдующемъ году, отъ чего можетъ произойти недостатокъ кредита текущаго года, назначаемого на содержаніе личнаго состава Управленія на основаніи существующихъ штатовъ. Для устраненія вышеозначеннаго неудобства Господинъ Министръ Финансовъ полагаетъ принять за правило слѣдующее: выдачи, на основаніи 473 ст. III т. св. зак., впередъ за треть года жалованья производить не изъ смѣтныхъ назначеній на содержаніе личнаго состава служащихъ, а изъ суммы, назначаемой на экстраординарныя по губерніямъ надобности (§ 19 ст. 1 смѣты Департамента Государственнаго Казначейства), съ тѣмъ, чтобы возвращаемыя посредствомъ вычетовъ суммы записывались по книгамъ поступленіемъ въ государственные доходы (§ 6 ст. 1 смѣты того же Департамента), и въ слѣдствіе такого порядка находить необходимымъ установить, чтобы центральныя Управленія и подвѣдомственные имъ учрежденія губернскія и уѣздныя съ требованіями, на основаніи вышеприведенной ст. св. зак., отпуска впередъ за треть года жалованья обращались первыя въ Министерство Финансовъ, по Департаменту Государственнаго Казначейства, а послѣднія въ мѣстныя Казенныя Палаты, увѣдомляя вмѣстѣ съ тѣмъ о таковыхъ распоряженіяхъ тѣ Управленія, въ вѣдомство коихъ поступаютъ лица, получающія впередъ жалованье. Приказали: Объ изъяс-

ненномъ въ настоящемъ предложеніи заключеніи Господина Министра Финансовъ о томъ, изъ какихъ суммъ слѣдуетъ выдавать чиновникамъ, при отправленіи ихъ къ должностямъ, вперёдъ за треть года жалованье, дать знать по Духовному вѣдомству печатными указами, для свѣдѣнія и руководства въ потребныхъ случаяхъ.

3) Отъ того же 25 Августа. *О предоставленіи Епархіальнымъ Архіереямъ права разрѣшать самимъ постройку часовень, какъ въ селеніяхъ, такъ и городахъ, исключая столицъ.*

Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 30 минувшаго Іюля за № 3944, въ коемъ изъяснено: ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему докладу его, Г. Оберъ-Прокурора, въ 29 день Іюля, въ измѣненіе статей Уст. Дух. Конс. 58 и 60 и Св. Зак. т. XII ч. I, 244 и 245, согласно съ опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, Высочайше повелѣть соизволилъ: сооруженіе вновь часовень, какъ въ селеніяхъ, такъ и въ городахъ, исключая столицъ, предоставить Епархіальному Начальству дозволить по достойнымъ уваженію причинамъ, не испрашивая разрѣшенія Святѣйшаго Синода, построеніе же часовень въ столицахъ оставить на прежнемъ основаніи, т. е. не иначе допускать, какъ съ Высочайшаго соизволенія. Равнымъ образомъ предоставить Епархіальному Начальству дѣлать окончательныя объ уничтоженіи или объ оставленіи тѣхъ часовень, кои оказались бы построенными или перестроенными безъ разрѣшенія Духовнаго На-

чальства, а также о передачѣ обстоятельствъ самовольнаго построения или перестройки часовни на сужденіе по законамъ, или объ оставленіи безъ преслѣдованія. Приказали: О вышеизъясненномъ Высочайшемъ повелѣніи объявить по Духовному вѣдомству печатными указами, а Правительствующему Сенату сообщить вѣдѣніемъ.

4) Отъ того же 25 Августа. *О предоставленіи Епархіальнымъ Архіереямъ права разрѣшать самимъ постройку, перестройку и распространение соборныхъ, приходскихъ, кладбищенскихъ и монастырскихъ церквей въ городахъ, исключая столицъ.*

Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 30 минувшаго Іюля за № 3945, въ коемъ изъяснено: ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему докладу его, Г. Оберъ-Прокурора, въ 29 день минувшаго Іюля, въ измѣненіе статей Устава Дух. Конс. 46 и 48 и Св. Зак. т. XII. ч. 1, Устава Строит. 206, 207, 210, 216 и 237, согласно съ опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, Высочайше повелѣть соизволилъ: постройку, перестройку и распространение соборныхъ, приходскихъ и кладбищенскихъ церквей въ городахъ, а также церковныя сооруженія въ монастыряхъ, предоставить разрѣшать самимъ Епархіальнымъ Архіереямъ. Изъ сего исключаются: 1) церкви въ столицахъ, 2) церкви древнія, т. е. построенныя вообще не позже начала 18 вѣка, иля хотя и не древнія, но замѣчательныя по зодчеству или историческимъ воспоминаніямъ, 3) случаи, когда на постройку или исправленіе церкви, или на содержаніе имѣющаго быть

при ней причта, по недостатку мѣстныхъ средствъ, предполагается испросить у Святѣйшаго Синода отпуска денегъ. Во всѣхъ означенныхъ въ пунктахъ 1, 2 и 3 случаяхъ, на исполненіе предположеній по постройкѣ или перестройкѣ и исправленію церквей, испрашивать разрѣшеніе Святѣйшаго Синода, а въ потребныхъ случаяхъ Высочайшее соизволеніе, на прежнемъ основаніи. *Примѣчаніе:* Согласно съ устанавливаемымъ порядкомъ, проекты на церковныя постройки и перестройки, разрѣшеніе коихъ предоставляется власти Епархіальныхъ Архіереевъ, передавать изъ Духовныхъ Консисторій въ мѣстныя Строительныя отдѣленія при Губернскихъ Правленіяхъ, съ тѣмъ, чтобы послѣднія въ случаяхъ, превышающихъ предоставленную имъ власть по утвержденію проектовъ, сами представляли таковыя въ подлежащее Министерство, и по утвержденіи въ ономъ возвращали въ Консисторію для исполненія; по тѣмъ же постройкамъ и перестройкамъ церквей, на производство коихъ необходимо разрѣшеніе Святѣйшаго Синода, или Высочайшее соизволеніе, Епархіальныя Начальства должны вносить разсмотрѣнные въ мѣстныхъ Строительныхъ отдѣленіяхъ планы и фасады въ Святѣйшій Синодъ, на прежнемъ основаніи. О такомъ Высочайшемъ соизволеніи онъ, Г. Оберъ-Прокуроръ, предлагаетъ Святѣйшему Синоду, для зависящаго распоряженія. Приказали: О вышеизъясненномъ Высочайшемъ повелѣніи объявить по Духовному вѣдомству печатными указами, а Правительствующему Сенату сообщить вѣдѣніемъ.

## II

## РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

*Объ опредѣленіи, увольненіи и перемѣщеніи священнослужителей.*

На священническое мѣсто въ село Нарму Елатомскаго уѣзда назначенъ, со взятіемъ въ заужство сироты священнической дочери, окончившій курсъ Рязанской семинаріи воспитанникъ Михайль Трупцевъ, уволенный Рязанскимъ епархіальнымъ начальствомъ въ здѣшнюю епархію.

На праздное священническое мѣсто въ село Ивановку Уманскаго уѣзда произведенъ діаконъ села Донской слободы Тамбовскаго уѣзда Василій Резоновъ, прослужившій въ санѣ діакона 17 лѣтъ, по окончаніи курса Семинаріи.

На праздное священническое мѣсто въ село Мальцево Шацкаго уѣзда опредѣленъ безмѣстный священникъ Димитрій Благодіаковъ.

Діаконъ села Ольховца Лебедянскаго уѣзда, согласно прошенію, по старости лѣтъ, уволенъ заштатъ. На мѣсто его, со взятіемъ родной его племянницы, назначенъ во діакона, уволенный изъ низшаго отдѣленія Семинаріи ученикъ Алексѣй Успенскій.

Діаконъ села Кузминой Гати Тамбовскаго уѣзда Михайль Любовниковъ, согласно прошенію, по старости лѣтъ, уволенъ за штатъ. На мѣсто его, со взятіемъ его племянницы, назначенъ уволенный изъ средняго отдѣленія Семинаріи ученикъ Василій Доброхотовъ.

## БАЛАНСЪ

ТАМБОВСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА

къ 1-му Октября 1865 года.

	Рубли	Коп.
1) Касса . . . . .	557554	11
2) Ссуды подь залогъ Государ. % бумагъ . . . . .	149570	58
3) — — акцій и облигацій . . . . .	19515	5
4) — — золота . . . . .	190	55
5) Просроченные по ссудамъ . . . . .	2054	20
6) % выданные вкладчикамъ . . . . .	1604	50
7) Платежи по купонамъ 5% бил.	553	75
8) — — — — — 4% — —	60	»
9) Расходы Отдѣленія . . . . .	1361	»
10) — — — по отсылкѣ суммъ . . . . .	5	50
11) 5% билеты Банка . . . . .	115056	84
12) Суммы выданные по кнжк. Сберегат. кассы Приказа . . . . .	110	4
<b>Балансъ . . . . .</b>	<b>645153</b>	<b>92</b>
1) Капиталь Банка въ Отдѣленіи . . . . .	50000	»
2) % вклады . . . . .	585528	49
3) Переводные билеты . . . . .	25256	42
4) Текущіе счета . . . . .	4256	70
5) Счетъ съ Банкомъ . . . . .	165187	21
6) % по операциямъ . . . . .	14421	8
7) % полученные при выдачѣ 4% билетовъ . . . . .	»	54
8) Переходящія суммы . . . . .	5756	94
9) Суммы переданныя Приказомъ . . . . .	957	54
<b>Балансъ . . . . .</b>	<b>645153</b>	<b>92</b>

Управляющій А. Кулжинскій.

Контролеръ Ушаковъ.

## ТАМБОВСКОЙ СБЕРЕГАТЕЛЬНОЙ КАССЫ

## БАЛАНСЪ

къ 1 Октября 1865 года.

Счеты глав- ной книги.	С у м м ы.				Остатки или итоги			
	Прибави- лось по де- бету, выда- но и списа- но.		Прибави- лось по кре- диту, посту- пило и за- писано.		По дебету.		По кредиту.	
	Руб.	коп.	Руб.	коп.	Руб.	коп.	Руб.	коп.
Счетъ вкладчи- ковъ . . . .	482	8	1587	63	»	»	19555	16
Счетъ Государ. Банка . . . .	1587	63	486	54	19397	69	»	»
Счетъ текущихъ процентовъ . .	4	46	»	»	26	63	»	»
Счетъ расходовъ отдѣленія . .	»	»	»	»	131	24	»	»
<b>Итого . . .</b>	<b>2074</b>	<b>47</b>	<b>2074</b>	<b>47</b>	<b>19555</b>	<b>56</b>	<b>19556</b>	<b>56</b>

Управляющій А. Кулжинскій.

Контролеръ Ушаковъ.

Съ дозволенія цензуры. 15 Октября 1865 года.

Тамбовъ, Въ Типографіи Палаты Государ. Имуществъ.



# ПРИБАВЛЕНИЕ

КЪ

## ТАМБОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪ ДОМОСТЯМЪ.

1 НОЯБРЯ.

№ 21.

1865 г.

---

Разказы изъ библейской исторіи — построение скинии и установление священства.—Освященіе храма въ селѣ Гавриловкѣ.—Философскія размышленія о религіи естественной. — Христіанская колыбельная пѣсня  
(Стихотвореніе).

---

### РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ

### БИБЛЕЙСКОЙ ИСТОРИИ.

#### Построеніе скинии и установленіе священства.

(Окончаніе)

Въ первый день перваго весенняго мѣсяца втораго года по исшествіи Израильтянъ изъ Египта, *Моисей поставилъ скинію: положилъ подножія ея, поставилъ брусья ея, и распротеръ покровъ надъ скинією, и положилъ покрывку покровъ на ней сверху* (Исх. 40, 17—19). Разставилъ въ ней на свои мѣста: кивотъ завѣта, свѣтильникъ, трапезу, олтарь кадильный, жертвенникъ и умывальницу; потомъ какъ самую скинію, такъ и всѣ принадлежности ея освятилъ, помазавъ елей помазанія святаго—муромъ, собственно для этого, по заповѣди Божіей, приготовленнымъ. Это былъ елей, съ четырьмя благовонными веществами сваренный; но составленіе такого мюра для употребленія домашняго было запрещено подъ стра-

хомъ смерти. Все, что было помазано въ скинии этимъ муромъ, стало святымъ, такъ что и прикасавшійся къ этимъ вещамъ освящался (Исх. 30, 25 — 35). По окончаніи освященія, скинію покрыло облако и явилась въ ней слава Господня — до того неприступная, что и Моисей Боговидецъ въ это время не могъ войти въ скинію. Облако же, осѣнившее скинію, которое ночью казалось огненнымъ, съ этого времени постоянно находилось надъ скиніею, и когда оно подымалось отъ скинии, то и народъ долженъ былъ отправляться въ путь; а когда оно останавливалось, то и народъ останавливался. Очевидно, что облако это было тотъ же самый столпъ, который велъ Израильтянъ отъ Египта до Свная.

Описаніемъ этихъ событій оканчивается вторая книга Моисея—*Исходъ*; за нею слѣдуютъ еще три книги его же: *Левитъ*, *Числъ* и *Второзаконія*. Въ книгѣ *Левитъ* содержится главнымъ образомъ законоположеніе о Богослуженіи; въ книгѣ *Числъ* исчисляются поименно потомки двѣнадцати сыновъ Израиля и описывается странствованіе Израильтянъ по пустынь; въ книгѣ *Второзаконія* повторяются и изъясняются всѣ законы, данныя Богомъ Израильтянамъ чрезъ Моисея,—въ ней же содержится и описаніе послѣднихъ мѣсяцевъ странствованія Израильтянъ. Разсказывать эти книги подробно намъ нѣтъ необходимости; а мы будемъ брать изъ нихъ только то, что намъ нужно знать о шествіи Израильтянъ въ землю обѣтованную; изъ книги же *Левитъ* разскажемъ только объ учрежденіи священства.

По освященіи скинии Господь воззвалъ Моисея въ скинію; тамъ Онъ долго говорилъ съ нимъ, заповѣдуя подробно, какъ и какія жертвы должны быть приносимы (Лев. гл. 1—6.), и наконецъ велѣлъ ему

созвать къ дверямъ скиинъ народъ и при немъ посвятить на служеніе Ему Аарона и сыновъ его: Надава, Авіуда, Еліазара и Иоамара. Моусей исполниль повелѣніе Божіе, поставилъ Аарона *Первосвященникомъ*, *Архіереемъ*, и сыновъ его *священниками*, *Іереями*, которые, такъ же какъ приносители жертвъ, назывались *жрецами*. Какимъ же образомъ было совершено посвященіе Аарона и его сыновъ? Они предъ дверями скиинъ омыты были водою и облачены въ священныя одежды, Ааронъ въ первосвященническія, а сыновья его въ священническія. И тѣ и другія одежды устроены были во время построенія скиинъ по указанію Божію. Священническое облаченіе составляли одежды льняныя: *надраги*—на подобіе фартука, отъ поясицы до колѣнъ кругомъ обхватывающіе тѣло; *хитонъ*, похожій на долгую, узкую рубашку; *поясъ*, сшитый, долгій, съ кистями на концахъ, разноцвѣтный кушакъ, и *кидаръ*—небольшой клубукъ, обвитый полотенцомъ. Въ эти же одежды облаченъ былъ и Ааронъ, и сверхъ того на него были еще надѣты: *верхняя риза*—долгая, круглая, шерстяная, голубая одежда; она была похожа на нашъ подризникъ, но безъ рукавовъ, а для продѣванія рукъ въ ней были отверстія; *подоль ея* былъ унизанъ разноцвѣтными шерстяными кистями и золотыми колокольчиками; *ефодъ*, короткая, на плечи накинутая одежда, составленная изъ двухъ тканей—изъ золота, виссона и шерсти синяго, краснаго и пурпураваго цвѣтовъ: *наперсникъ*,—нагрудникъ, изъ одинаковыхъ съ ефодомъ тканей устроенный; въ немъ были вдѣланы въ золотой оправъ 12 дорогихъ разнаго рода камней—по три въ рядъ, на которыхъ были написаны имена 12 сыновъ Израиля; по угламъ онъ прикрѣплялся къ ефоду золотыми цѣпочками и кольцами. На головѣ у Аарона было

тоже, что и у сыновъ его—*кидаръ*,—только на передней сторонѣ его была вдѣлана золотая полированная дощечка, на которой были вырѣзаны слова: *Святыня Господня*. Когда Ааронъ и сыновья его были облачены въ эти священные одежды, Моисей возлилъ на голову Аарона священное муро; потомъ принесъ отъ лица ихъ жертвы, помазалъ жертвенною кровію ихъ правыя уши, руки и ноги, и наконецъ окропилъ священнымъ муромъ, смѣшаннымъ съ жертвенною кровію, какъ ихъ самихъ, такъ и одежды ихъ. По совершеніи всего этого Ааронъ и сыновья его должны были безвыходно находиться въ скинии 7 дней. Всѣ эти подробности священныхъ одеждъ и обряда посвященія заповѣдалъ Самъ Богъ (Исх. гл. 28 и 29. Лев. гл. 8). Надобно думать, что первосвященническое облаченіе составляли одежды, по тогдашнему времени красивѣйшія въ свѣтѣ. Но какъ бы то ни было, великій Іерей въ полномъ облаченіи своемъ имѣлъ способность по вдохновенію свыше давать отвѣты вопрошающимъ о волѣ Божіей» (Ист. Библ. Филар).

Въ осмой день по посвященіи Ааронъ, съ сыновьями своими, приступилъ въ первый разъ къ священнодѣйствию въ присутствіи всего народа Израильскаго; приготовилъ жертву, положилъ на жертвенникъ и, обратясь къ народу съ воздѣтыми къ небу руками, благословилъ его. Замѣчательно, какъ Первосвященникъ и священники благословляли народъ; они, по заповѣди Божіей, должны были говорить: *Да благословитъ тя Господь, и сохранитъ тя; да просвѣтитъ Господь лице Свое на тя, и помилуетъ тя; да воздвигнетъ Господь лице Свое на тя, и дастъ ти миръ* (Чис. 6, 24—26). Вотъ новое доказательство вѣрованія встехозавѣтной церкви во святую Троицу. Первое мы видѣли при благословеніи Іаковомъ дѣтей Іосифа

(Быт. 48, 15, 16). Когда Ааронъ кончилъ благо-  
словеніе народа, сошелъ съ неба огонь и жертва  
сгорѣла. Народъ обрадовался и вмѣстѣ испугался  
и упалъ на землю. (Лев. 9, 24, 25). Чудо это под-  
твердило, что Ааронъ и сыновья его поставлены  
священниками по волѣ Божіей. Огонь же, сошедшій  
съ неба, долженъ былъ горѣть въ скинїи неугаси-  
мо, — священники обязаны были постоянно, и день  
и ночь, подкладывать на него дрова, что бы онъ  
не угасъ. И онъ не угасалъ болѣе 900 лѣтъ — до  
плѣненія Вавилонскаго, когда сожженъ храмъ Соло-  
моновъ и вмѣстѣ съ нимъ исчезъ и небесный огонь.  
Этимъ только огнемъ, по заповѣди Божіей (Лев.  
6, 9, 12, 13), и должно было сжигать жертвы,  
зажигать свѣтильники и курить ѳиміамъ; другаго  
же огня ни на что не позволялось употреблять въ  
скинїи. Два старшіе сына Аарона, Надавъ и Аві-  
удъ преступили эту заповѣдь Божію и погибли.  
Когда нужно было имъ кадить передъ Господомъ,  
они положили жару въ свои кадилаицы внѣ ски-  
нїи, а не съ жертвенника, и лишь только предста-  
ли предъ Господа съ кадилаицами, сошелъ съ  
неба огонь и погалилъ ихъ. Вотъ какъ страшно  
служить Богу съ небреженіемъ! Моисей прика-  
залъ вынести несчастныхъ изъ скинїи и похоронить  
внѣ стана; а Аарону и остальнымъ сынамъ его  
Еліазару и Иѳамару строго воспрещено было пла-  
кать надъ ними, и даже не дозволено было имъ  
проводить ихъ до могилы. Сѣтованіе надъ умерши-  
ми у Евреевъ считалось дѣломъ нечистымъ, низ-  
кимъ для служителей Божіихъ (Лев. 21, 1—6).

Такъ учреждено было священство! Оно долж-  
но было переходить въ потомствѣ Аарона изъ рода  
въ родъ (Исх. 40 15), и старшій въ потомствѣ  
долженъ быть первосвященникомъ; изъ другихъ  
же родовъ никто не могъ быть ни Іеремъ, ни Ар-

хіереемъ (\*). Впрочемъ и изъ рода Ааропова не могли быть священниками незаконнорожденные и имѣющіе какой либо порокъ на тѣлѣ: хромые, слѣпые, глухіе, пѣмые, безрукіе и имъ подобные, — равно люди нечестнаго поведенія и имѣющіе жену распутницу (Лев. 21, 7—24).

Вскорѣ по посвященіи Аарона и сыновъ его, Богъ повелѣлъ Моисею отдѣлать на служеніе при скинии все потомство Левія, отъ котораго происходили и Моисей съ Аарономъ. Всѣ первенцы въ народѣ Израильскомъ принадлежали Богу, посвящались Ему (Исх. 13, 12), въ память избавленія отъ смерти первенцевъ Израильскихъ во время избіенія первенцевъ Египетскихъ. Но Богъ вмѣсто первенцевъ взялъ цѣлое колѣно Левіино, въ которомъ мужескаго пола было 22 тысячи; почти столько же было и первенцевъ во всѣхъ 12 колѣнахъ (Чис. 3, 3—14, 39, 45). Послѣ этого колѣно Левіино, какъ часть Божія, уже не считалось въ числѣ колѣнъ Израилевыхъ; а чтобы опять было 12 колѣнъ, колѣно Юсифа раздѣлено на два колѣна: Ефремово и Манассіино. Теперь понятно, съ какою цѣлію Іаковъ усыновилъ себѣ сыновъ Юсифа — Ефрема и Манассію, — онъ предвидѣлъ это событіе. Поставленіе Левитовъ на служеніе скинии было совершенно, по заповѣди Божіей, такъ ихъ при всемъ народѣ поставили предъ дверями скинии, омыли водою, принесли за нихъ жертву, весь народъ возло-

---

(\*) Почему Господь Богъ не предоставилъ священства сыновьямъ Моисея и потомству ихъ? Потому что они по матери происходили не изъ рода Израилева, хотя и изъ Авраамова же. Мать ихъ Сепфора происходила отъ племени Мадиамы — четвертаго сына Авраамова отъ второй его жены Хеттуры (Быт. 25, 2); но дѣти Хеттуры, равно какъ и Агаряне — потомки Агари, не имѣли участія въ обѣтованіяхъ Божіихъ, данныхъ Аврааму (Быт. 17, 19).

жилъ на нихъ руки и передали ихъ Аарону, а Ааронъ представилъ ихъ Богу (Чис. 8, 5—21). Должность Левитовъ была: носить, хранить, раз-  
становливать и собирать скинiю и помогать Свя-  
щенникамъ при жертвоприношенiяхъ. Значить они  
по должности своей были почти тоже, что наши  
Дiаконы (Чис. 1, 50, 51).

Когда такимъ образомъ Моисей окончилъ всѣ  
дѣла Скинiи, народъ, по внушенiю Божию, 12 дней  
праздновалъ обновленiе ея. Каждый день одно изъ  
коленъ Израилевыхъ, по очереди, чрезъ своего ста-  
рѣйшину, приносило богатые дары скинiи: сереб-  
ряныя тяжеловѣсныя блюдо и чашу съ пшенич-  
ною мукою и кадильницу съ ошмiамомъ, и приво-  
дили для жертвы: вола, козла, овна и агнца (ста-  
раго и молодаго барана). За тѣмъ, въ 14-й день  
втораго весенняго мѣсяца, Евреи праздновали пас-  
ху; а въ 29-й день того же мѣсяца облако подня-  
лось отъ скинiи и пошло по направленiю къ землѣ  
обѣтованной, — за нимъ пошли и Евреи (Чис. гл.  
7 и 9, 10, 11, 12).

Вотъ какъ явился на землѣ первый домъ Бо-  
жiй — скинiя и какъ учреждено священство. Все  
это было не выдумкою человѣческою, а дѣломъ  
премудрости Божiей, и великiя тайны заключались  
въ этихъ дѣлахъ Божiихъ. Скинiя, въ которой  
Богъ благоволилъ присутствовать среди Своего  
народа, прообразовала воплощенiе Сына Божiя и  
Его видимое пребыванiе на землѣ; съ тѣмъ вмѣ-  
стѣ она прообразовала и храмы новозавѣтныя. И  
всѣ принадлежности скинiи имѣли тоже смыслъ  
прообразовательный. Кивотъ Заветъ, въ которомъ  
находились скрижали закона и манна и на кото-  
ромъ было очистилище, осѣненное херувимами,  
прообразовалъ *Ковчегъ, позлащенный Духомъ*  
*Святымъ* (Акаѳ. Богор. Ик. 12) — Пресвятую Дѣ-

ву Богородицу, изъ которой произошелъ законъ жизни (Рим. 8, 2) и хлѣбъ животный (Іоан. 6, 48) — Іисусъ Христосъ, Который и есть очищеніе нашихъ грѣховъ (Рим. 5, 25). Но эта тайна искупленія рода человѣческаго для смертныхъ недоступна, непостижима, находится подъ кровомъ премудрости Божіей, — въ нее и самые Ангелы проникнути желаютъ (1 Петр. 1, 12). Свѣтильникъ съ семью лампадами, трапеза съ хлѣбами предложенія и олтарь кадильный тоже предугазывали Іисуса Христа, Который есть свѣтъ міру (Іоан. 8, 12), озаряющей Свою церковь семью дарами Святаго Духа (Тим. 3, 6. Ис. 11 1—3), есть хлѣбъ жизни вѣчный и Алтарь, Который возноситъ къ Богу Отцу наши моленія и благодаренія (Апок. 8, 3. Іоан. 14, 13). Жертвенникъ прообразовалъ Голгофу, на которой Спаситель принесъ Себя въ жертву за грѣхи міра (Іоан. 1, 29), вмѣстѣ съ тѣмъ прообразовалъ и наши престолы, на которыхъ приносится кровь Христова; умывальница прообразовала купель крещенія, омывающую грѣхи людей. Такимъ образомъ въ скинїи все имѣло таинственное значеніе. Равно и священники прообразовали Того Божественнаго Священника по чину Мелхиседекову, Который едину о грѣсѣхъ принесъ жертву (Евр. 7, 17; 10, 12); но жертву не такую, какую приносили Ветхозавѣтные іереи, невозможно бо крови юнчей и козлей отпуцати грѣхи (Евр. 10, 4), только кровь Іисуса Христа Сына Божія очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха (Іоан. 1, 7); а Самъ жертвою явлься (Евр. 9, 26) и о грѣсѣхъ нашихъ пострада (1 Петр. 3, 18). Особенно же архіерей прообразовалъ Архіерея великаго, прошедшаго небеса, Іисуса Сына Божія, Который не въ рукотворенная святая вниде, но въ са-



*мое небо и всегда съдитъ одесную Бога* (Евр. 4, 14; 9, 24; 10, 12).

Такимъ образомъ скинія со всѣми ея принадлежностями, устроенная *по образу показанному Богомъ Моисею на горѣ* (Исх. 25, 40), священство и всѣ ветхозавѣтные обряды были *снѣію грядущихъ блазъ* (Евр. 10, 1), оттѣнкомъ, предвѣстіемъ того, что со временемъ должно было явиться. Но *прейде снѣй законная благодати пришедшей* (Догм. 2 глас.), поетъ церковь Христова. Пришелъ Спаситель міръ, и сѣнь и гаданія кончились; скинія уступила мѣсто первообразу—*скиніи истиннѣй, юже водрузи Господь, а не челоуѣкъ* (Евр. 8, 2). *Христосъ искупилъ насъ отъ клятвы законныя* (Гал. 3, 13), и *явилась благодать Божія, спасительная всѣмъ челоуѣкомъ* (Тит. 2, 11), явилась Святая, Соборная и Апостольская церковь, въ которую призванъ не одинъ какой либо народъ, а *вся племена земная*. Теперь мы видимъ на землѣ уже не одинъ домъ Божій, какъ было до Иисуса Христа, а безчисленное множество. Храмы христіанскіе теперь видятся повсюду,—и хотя они устроются по образцу скиніи, но они несравненно выше и святѣе скиніи. Будемъ же непрестанно *благодарить Бога и Отца, призвавшаго насъ въ причастіе наслѣдія святыхъ во свѣтъ* (Кол. 1, 12), благодарить Спасителя нашего Иисуса Христа, содѣлавшаго насъ чадами новаго завѣта и непрестанно благодатию Своею пребывающаго среди насъ — во святыхъ храмахъ Своихъ. Будемъ отъ всей души любить и почитать храмы Господни,—будемъ усердно ходить и благоговѣнно пребывать въ нихъ. У Израильтянъ былъ законъ, чтобы *въ три времена лѣтъ всякъ мужескъ полъ являлся предъ Господемъ Богомъ*, т. е. приходилъ во храмъ: *въ*

*праздникъ опреснокъ (на пасху), въ праздникъ седмицъ и въ праздникъ кущей (Бтор. 16, 16).* Законъ этотъ исполнялъ и Самъ Законодатель Иисусъ Христосъ—Израильтянинъ по плоти,—каждый годъ ходилъ во Иерусалимъ на праздникъ пасхи. У насъ нѣтъ заповѣди, сколько разъ въ годъ намъ бывать во храмъ; но есть обязанность ходить въ церковь каждый воскресный день и во всякій праздникъ. Дни эти должны быть употребляемы на служеніе Богу; но какое служеніе выше общественнаго церковнаго Богослуженія? По этому, православные, и старайтесь непременно въ каждое воскресеніе и въ каждый праздникъ приходите въ церковь. Намъ не сотни верстъ идти до храма, какъ было у Израильтянъ, у которыхъ былъ только одинъ храмъ во Иерусалимъ; у насъ храмы возлѣ нашихъ жилищъ. Да и не въ праздники только ходите, а иди всегда, когда можешь. Ты въ будни слышишь звонъ колокола — зовъ на молитву, ступай, если ты свободенъ; если и занятъ дѣломъ, которое можно отложить на время, оставь его и ступай. Если бы тебѣ сказали, что вотъ здѣсь не далеко царь намъ отворилъ свой дворецъ, принимаетъ всѣхъ приходящихъ къ нему и осыпаетъ великими милостями; то не поспѣшилъ ли бы ты къ нему, оставивъ всѣ свои дѣла? Но христіанскій храмъ есть дворецъ Царя царствующихъ; тамъ Господь Вседержитель раздастъ дары небесные, дары Святаго Духа всѣмъ съ вѣрою, любовію и надеждою къ Нему приходящимъ. Значитъ когда бы ты ни пошелъ въ церковь, ты не даромъ сходишь туда; ты возвратишься домой съ великою пользою и для души и для тѣла. — Впрочемъ хожденіе во храмъ спасительно только для тѣхъ, которые благоговѣнно пребываютъ въ немъ. *Въ храмъ стояще славы, на небеси стояти мнимъ,*

внушаетъ намъ св. церковь. Когда придешь въ церковь, представляй себѣ, что ты взошелъ на небо къ престолу Пресвятыя Троицы; и потому не позволяй себѣ ни думать, ни желать ничего посторонняго, а за чѣмъ пришелъ, то и дѣлай. Ты пришелъ славословить и благодарить Господа и просить у Него милостей; это и совершай. Не знаешь ты, какъ это исполнять? Церковь отъ твоего лица поетъ и читаетъ, влагаетъ молитвы въ твои уста; соединяй съ ея словами свои мысли, чувства и желанія, и ты совершишь пріятное Богу служеніе. Но больно бываетъ видѣть, какъ нѣкоторые безстрашно стоятъ во храмѣ: тѣ шепчутъ, тѣ смѣются, тѣ зѣваютъ и дремлютъ, тѣ оглядываютъ народъ, и подобное. За чѣмъ и ходятъ такіе люди въ церковь? Они сами тяжело согрѣшаютъ и другихъ вводятъ въ грѣхъ. Разумѣется, нынѣ Іисусъ Христосъ не выгоняетъ изъ храмовъ безчинствующихъ, какъ нѣкогда, *сотворивъ бичъ отъ вервий*, изгналъ изъ храма Иерусалимскаго торговцевъ и мѣняль (Іоан. 2, 15); но за то со временемъ выгонитъ всѣхъ ругателей святыхъ храмовъ изъ царства Своего небеснаго. О, избави насъ, Боже, отъ этой страстной участи!

Но Израильтянамъ Богъ устами Моисея заповѣдалъ: *да не явишия предъ Господемъ Богомъ твоимъ тощъ* (Втор. 16, 16). Эта заповѣдь относится и къ намъ: ходите и вы въ церковь Божию не съ пустыми руками. Вы слышали, какъ усердно Израильтяне на построение скинии приносили золото, серебро и другія драгоценности? Дай Богъ, чтобы и мы въ этомъ отношеніи были похожи на нихъ хотя нѣсколько. Богъ ущедряетъ насъ своими милостями, даетъ намъ все необходимое для нашей временной и вѣчной жизни; изъ благодарности къ Богу давайте же и вы кто что можетъ

Его святому храму; ваши жертвы идутъ на нужды церкви и на благолѣпіе ея. Впрочемъ этнмъ не стѣсняйтесь; кому нечего понести въ церковь, иди безо всего, носи свою душу, очищенную отъ житейскихъ попеченій и способную принять благодать Господню. — Еще, возлюбленные, одно слово. Храмъ Божій такое святое мѣсто, что мы не только входить въ него должны со страхомъ, но и мимо его проходить должны съ благоговѣніемъ и молитвою. Поэтому когда бы и гдѣ бы ты ни увидалъ церковь, идешь ли, ѣдешь ли, остановись и по молись на нее, или по крайней мѣрѣ перекрестись. Если ты считаешь обязанностію поклониться при встрѣчѣ почтенному или знакомому человѣку; то не болѣе ли обязанъ ты сдѣлать благоговѣнное поклоненіе своему Творцу и Промыслителю, благодатно присутствующему во храмѣ, мимо котораго ты проходишь? Не слушайте тѣхъ умниковъ, которые смѣются надъ этимъ христіанскимъ обычаемъ и молитву на улицахъ считаютъ фарисействомъ, лицемѣріемъ; нѣтъ, —мы молимся передъ храмами не на показъ, а изъ благоговѣнія къ *мѣсту селенія славы* Господней (Ис. 25, 8). Итакъ любите и почитайте храмы Божіи.

*Священникъ Теофилактъ Стандровскій.*



**ОСВЯЩЕНІЕ ХРАМА  
ВЪ ЧЕСТЬ  
ПОКРОВА БОЖІЕЙ МАТЕРИ.**

Въ селѣ Гавриловкѣ Козловскаго уѣзда, бывшее 5 Сентября 1865 г.

Давно уже жители села Гавриловки поговаривали о тѣснотѣ помѣщенія для нихъ въ приходскомъ храмѣ. Но въ послѣдніе годы мысль объ этомъ до того овладѣла ими, что они, поговоривъ между собою на сходѣ, рѣшились испросить разрѣшенія начальства, построить новый, соответственный ихъ нуждамъ и недостаткамъ, деревянный храмъ, а тѣсный и неудобный съ ризницею, утварью, иконами, колоколами и прочимъ имуществомъ продать. Какъ говорили, такъ и утвердили мірскимъ приговоромъ. Но вотъ въ 1863 г. большую часть изъ нихъ постигло страшное бѣдствіе, отъ пожара, а въ 1864 году снова многіе изъ нихъ подверглись тому же несчастію. Избранный обществомъ попечитель церкви крестьянинъ Алексѣй Михайловъ пришелъ въ недоумѣніе гдѣ взять средства для предполагаемаго созданія и снабженія всѣмъ нужнымъ храма, тѣмъ болѣе что приходъ Гавриловскій состоитъ съ небольшимъ изъ 300 душъ.

Но чего не сотворитъ вѣра и упованіе на святое Провидѣніе?!

Одушевленный ими попечитель церкви обратился съ просьбою о помощи къ Козловскому потомственному почетному гражданину, Григорию Ефремовичу Мезинову, выстроившему за нѣсколько лѣтъ предъ симъ каменный храмъ для нуждающихся въ немъ крестьянъ села Ранина, верстахъ въ

осми отъ Гавриловки, который бы сдѣлалъ честь городу, если бы былъ въ немъ. Г. Мезиновъ принялъ просьбу попечителя за голосъ свыше, указывавшій ему на доброе дѣло, которое онъ долженъ исполнить, и объявилъ просителю, что употребить все зависящія отъ него мѣры, чтобы церковь въ Гавриловкѣ была къ концу лѣта нынѣшняго года. И Господь, живущій въ храмѣ и любящій благолѣшіе дому Своего, благословилъ его усердіе и труды. Христіанская любовь его отъ избытковъ его принесли для дома Господня все что нужно. не смотря на то, что самъ Г. Мезиновъ въ бывшій въ г. Козловѣ 8 Мая пожаръ потерпѣлъ отъ огня величайшее бѣдствіе. Принесли и бѣдные къ Олтарю Господню ленты свои. Это напоминаетъ намъ то усердіе и тѣ дары, которыя за нѣсколько тысячъ лѣтъ приносились пророку Моисею при сооруженіи скинии. Велика жертва истиннаго благочестія: храмъ 34 аршинъ длины и 16 ширины созданъ, благоуукрашенъ и снабженъ всѣми потребными принадлежностями.

Днемъ освященія его избрано 3 Сентября. Въ 8 часовъ утра начался благовѣстъ къ освященію. Не смотря на дождливую погоду, богомольцы ревностно собирались густыми толпами не только изъ своего села, но даже и изъ сосѣднихъ селъ и деревень и отчасти изъ города, который отстоитъ отъ Гавриловки верстахъ въ 14-ти. Наконецъ къ 9 часамъ прибылъ старѣйшій и заслуженнѣйшій изъ Козловскихъ протоіереевъ о. А. И. Студенецкій. Храмъ и олтарь наполнились жаждущими видѣть таинственный обрядъ освященія храма; трогательно было священнодѣйствіе, возвышенны молитвы заключающія въ себѣ глубокое созерцаніе и сокровенный смыслъ. Отозвались чувства Соломона при освященіи сооруженнаго имъ храма Іеру-

салимскаго; повторились пророчества ясно уже совершившіяся предъ нами; живо вспомянулись страданія, смерть и погребеніе Христово, камни и гвозди укрѣпившіе престоль,—все это напоминаетъ пригвожденнаго на крестъ, и тѣ камни, которые распались при Его страданіи. Юсіфъ Аримаѳейскій помазалъ тѣло Распятаго мастями: и здѣсь воздвигнуть престоль и гробъ Агнцу Божію, на которые возлито обильно благовоніе аромать и св. мѹра. Голгофа омыта кровію и водою, истекшими изъ ребра Спасителя: и св. престоль, гдѣ должна возобновляться Голгофская жертва, омытъ виномъ, соединеннымъ съ благовонною водою, благоуханіемъ, свойственнымъ святынь и дарамъ Духа Божія. На престоль надѣта бѣлая одержда, какъ на челоуѣка, выходящаго изъ купели; возложено потомъ одѣяніе, какъ риза пресвитерская, ибо престоль отсель будетъ носить дары пренебесныя. Святая Церковь утвердилась на костяхъ мученическихъ; Господь почиваетъ на святыхъ своихъ, какъ на престоль. И здѣсь—какое величественное зрѣлище! какое торжество святой церкви!—маститый старецъ, въ сопровожденіи духовнаго собора, среди волиъ народа, въ предшествіи святыхъ иконъ и хоругвей, при стройномъ пѣніи пѣвческимъ хоромъ стиховъ, воспѣваемыхъ при рукоположеніи во священство: *святіи мученицы, иже добръ страдаше и вѣчавшеся... Слава тебѣ, Христе Боже, Апостоломъ похвала и мученикомъ веселіе...*, возложивъ на главу свою дискось съ лежащими на немъ святыми мощами, обноситъ эту святыню вокругъ всего храма, и тѣмъ торжественно воздается св. Церковію честь святымъ страдальцамъ, прежде столько поруганнымъ и претерпѣвшимъ, и вмѣстѣ торжественно свидѣтельствуется наше упованіе на ихъ могущественное ходатайство. Наконецъ самая свя-

щепная минута, одинъ изъ самыхъ возвышенныхъ и трогательныхъ обрядовъ нашей церкви — это вшествіе Царя славы въ мѣсто селенія Своего. При вознесеніи Господа на небо, Святые Ангелы, видя Его восходящаго въ образѣ человѣческомъ на невозможную для людей высоту горней славы, въ глубокомъ недоумѣніи говорили: *кто есть сей Царь славы?* и въ отвѣтъ слышали: *Господь силъ, той есть Царь славы,* — и здѣсь при входѣ въ храмъ священнослужителя имѣющаго на главѣ дискось съ святыми мощами, завѣса скоро падаетъ, и онъ, осѣненный святынею мощей, входъ въ освященный храмъ, живо изображаетъ вшествіе дивнаго во святыхъ Царя небеснаго, подъ таинственнымъ покровомъ, на уготованный Ему престолъ, повторивъ слова Ангельскія: *Господь силъ, той есть Царь славы.*

По окончаніи освященія храма, возглашено было многолѣтіе Государю Императору и всему Царствующему дому, Святѣйшему Синоду и Преосвященнѣйшему Феодосію съ Богохранимою его паствою, храмоздателью потомственному почетному гражданину *Григорію Ефремовичу Мезинову*, благотворителямъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ.

Литургія совершена отцемъ протоіеремъ Студенецкимъ съ шестью священниками и тремя діаконами; клиросное пѣніе отправляли пѣвчіе Козловскаго городского собора. Предъ окончаніемъ литургіи мѣстный священникъ *Василій Салтыковъ* произнесъ назидательное слово на текстъ: *Дому твоему подобаетъ святыня, Господи, въ долготу дней.*

Литургія окончилась въ полчаса перваго пополудни. По окончаніи ея у храмоздателя *Григорія Ефремовича Мезинова* былъ обѣденный столъ,



болѣ чѣмъ на 50 персонъ въ домѣ попечителя. Главные тосты предложены были за здоровье Государя Императора и Августѣйшей Фамили, Преосвященнаго Феодосія съ Богохранимою паствою, о. Протоіерея Студенецкаго, храмоздателя Григорія Ефремовича Мезинова. Во все время обѣда пѣли пѣвчіе.

Для поселянъ предложена была закуска на столахъ, расположенныхъ вокругъ освященнаго храма. Сколько отсюда благословеній и благожеланій искреннихъ, задушевныхъ посылалось виновнику ихъ торжества: храмоздателю и его супругѣ *Марья Павловна*, которая своими руками исполнила для храма многія работы, принадлежащія къ ризничной утвари.

Да ущедритъ Господь Богъ Своею милостию и щедротами боголюбезныхъ благотворителей, за ихъ любовь и усердіе къ храмамъ Божиимъ. А намъ, служителямъ церкви, да поможетъ Господь быть вѣрными священно-служителями святой Его церкви и усердныхъ ея дѣтей воспитывать усердно, дабы они преуспѣвали въ вѣрѣ православной, въ житіи христіанскомъ и въ разумѣ духовномъ.

Г. Козлова Троицкой церкви *Свѣц. Іоаннъ Знаменскій*.



## ФИЛОСОФСКІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

## О РЕЛИГИИ ХРИСТИАНСКОЙ.

Изъ Огюста Николя.

О НЕОБХОДИМОСТИ ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО  
ОТКРОВЕНІЯ.

Одно это заглавіе, боюсь, возбудить у извѣстныхъ читателей безотрадное недовѣріе и предубѣжденіе, противъ которыхъ мнѣ и нужно прежде всего вступить въ борьбу, дабы устранить затрудненіе простому раскрытію истины.

Осмынадцатый вѣкъ столько кричалъ, столько пустилъ въ ходъ интригъ противъ великаго догмата объ откровеніи, что и послѣдующее поколѣніе сохранило послѣ него отвращеніе въ сердцѣ, умственное ослѣпленіе, съ неисправимою склонностію къ необдуманности, несправедливости и даже раздражительности относительно всего, что касается ученія о сверхъестественномъ участіи Божества въ судьбахъ рода человѣческаго.

Правда, съ пѣкотораго времени стали отрекаться отъ такого отвращенія, но этотъ поворотъ, подобно всѣмъ другимъ, явно сопровождается презрѣніемъ и разнаго рода злоупотребленіями. Вездѣ стали находить откровенія, но истиннаго откровенія нигдѣ. Его Божественный обликъ сдѣлался какъ бы мантиею, которою попеременно прикрываютъ самыя безобразныя системы. Если и принимается его Божественное ученіе, то не для домашняго очага, гдѣ нужно бы дать ему мѣсто, и не для дѣлъ общественной жизни, которыя слѣдовало бы подчинять

его правиламъ. Нѣтъ, сюда оно еще не доходило. Оно принимается только подъ именемъ *чудеснаго*, собственно только какъ прикраса прихотей искусства и моды, для того чтобы строгою чистотою его противоположностей открыть игру страстей и придать имъ больше напряженія и большіе порывы, сообщая чувственное направленіе таинственнымъ отношеніямъ души къ небесному, предназначеннымъ для обузданія страстей. Въ этомъ нѣтъ ни справедливости, ни истины, и мало того, я,—смѣю сказать,—предпочитаю открытую вражду противъ христіанства такому его чествованію, какое придаютъ ему въ наши дни въ будуарахъ и операхъ (\*).

Что до насъ, то мы намѣрены приступить къ изслѣдованію этихъ предметовъ съ строгою философскою мыслию, не подчиняющеюся никакимъ предубѣжденіямъ, равно какъ и своеправнымъ прихотямъ. Очень давно уже не знаетъ христіанство такого рода изслѣдованія о немъ; а этого единственно изслѣдованія оно не страшится, а напротивъ даже очень желаетъ. Кто готовъ оказать столько вниманія къ этому предмету, тотъ пусть послѣдуетъ за нами. А кто не согласенъ подчиниться этимъ условіямъ, тотъ пусть остается при однихъ истинахъ, изложенныхъ нами, о *Религии естественной*; или лучше поставитъ себя въ то мрачное состояніе сомнѣнія, съ котораго мы начали свои изслѣдованія о Религии и безсмертіи души, о Богѣ и душѣ; ибо для духа нѣтъ другаго возможнаго положенія относительно каждаго изъ этихъ предметовъ, если онъ не склоняется къ принятію христіанства. Ему не-

---

(\*) Это писано было въ 1841 г., съ того времени ожесточеніе болѣзни заставило принять нѣсколько болѣе строгія мѣры для ея уврачеванія.

избѣжно или идти впередъ, или падать глубже и глубже (\*).

Нашъ путь изслѣдованія имѣеть сходство съ восхожденіемъ на высокую гору. Выходя какъ бы изъ равнины, мы переходимъ къ истинамъ болѣе и болѣе возвышающимся одна надъ другою, но вмѣстѣ и опирающимся одна на другую, такъ что онѣ взаимно представляютъ ручательство другъ за друга въ тѣхъ связныхъ переходахъ, которые не заключаютъ въ себѣ ничего нечаяннаго и не оставляютъ никакого основательнаго повода для тѣхъ, кто вздумалъ бы остановиться на полу-дорогѣ. Въ изслѣдованіи о необходимости откровенія я предлагаю вамъ не жертвы, а дѣятельности для ума больше, чѣмъ въ изслѣдованіи о *бытіи Божіемъ и о духовности нашей души*; за то обещаю и больше удовольренія для вашего разума и сердца. Ибо если первыя истины служатъ опорою для послѣдующихъ, то сіи послѣднія въ свою очередь оказываютъ могущественное обратное дѣйствіе на первыя, восполняютъ ихъ и утверждаютъ, придавая имъ предметное и жизненное значеніе, такъ что когда достигаемъ до самой вершины изслѣдованія, тогда овладѣваемъ всею связью этихъ истинъ, и разомъ, однимъ взоромъ, съ удовольствіемъ обнимаемъ стройное цѣлое, отдѣльныя части котораго съ такимъ трудомъ были пройдены.

Впрочемъ это — общее условіе всѣхъ познаній для человѣка падшаго: изъ состоянія естественнаго невѣденія своего онъ долженъ постепенно восходить выше и выше, переходя отъ простаго къ сложному, отъ общаго къ частному, отъ извѣстнаго къ неиз-

---

(\*) «Когда не имѣютъ возможности увѣриться въ существованіи откровенія; тогда ничему не вѣрять опредѣленно, твердо и неизмѣнно (Joubert. Pensées).

вѣстному, отъ синтеза сомнѣнія къ анализу наблюденія, чтобы достигнуть наконецъ къ синтезу знанія. Примѣнимъ это условіе къ изслѣдованію о Религіи, такъ какъ мы, по силѣ этихъ законовъ познанія, ежедневно пользуемся ими во всѣхъ другихъ познаніяхъ; не станемъ держаться, какъ говоритъ Порталисъ, одной философіи въ наукѣ, а другой—въ Религіи.

Два отдѣла о необходимости первоначальнаго откровенія, и вторичнаго откровенія необходимо представить сряду одинъ за другимъ, По моему убѣжденію, они должны бы составлять только одинъ отдѣлъ, но важность и обширность предмета требовали раздѣленія его на двѣ части; но между ними сохраняется естественное ихъ единство, которое и надобно имѣть въ виду.

Приступимъ къ дѣлу.

I. *Истина не есть порожденіе земли*, говоритъ Зороастръ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы мы захотѣли дать себѣ отчетъ въ происхожденіи истины на землѣ, слѣдя по разнымъ отраслямъ ея и потомъ доходя до общаго ствола и корней ея; то увидѣли бы, какъ она отрѣшается мало по малу отъ частныхъ и личныхъ стихійъ человѣческихъ, опирается потомъ на одномъ только общемъ согласіи, восходитъ путемъ преданія и наконецъ не держится уже ни на чемъ, кромѣ той первой десницы высочайшаго Существа, которая, простершись надъ ничтожествомъ и сотворивъ человѣка съ способностію разума и познанія, сама, должно быть, положила въ разумѣ перваго человѣка сѣмена и, такъ сказать запасы истины, долженствовавшіе посредствомъ преданія обратиться въ пищу всего рода человѣческаго.

Оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ.

Рождаясь въ міръ, мы не приносимъ съ собою ни одного готоваго въ нашемъ разумѣ понятія объ истинѣ, но только способности къ принятію и развитію всякихъ истинъ, какія представляются и будутъ сообщаемы намъ.

Общество человѣческое, съ которымъ, тотчасъ по рожденіи на свѣтъ Божій, вступаемъ мы въ общеніе, сообщаетъ намъ со всѣхъ сторонъ собранныя имъ сокровища истинъ, идей, познаній. Мы ихъ какъ бы вдыхаемъ, съ непостижимою легкостью усвояемъ своимъ разумомъ, вполне расположеннымъ къ ихъ воспріятію и собственной умственной самодѣятельностію, какой въ свою очередь подвергаемъ ихъ, оплодотворяемъ принятыя нами истины и вокругъ себя распространяемъ новыя отрасли ихъ въ большемъ или меньшемъ изобиліи.

Но для такой плодотворной самодѣятельности не было бы у насъ мѣста, если бы предварительно не сообщало намъ общество первоначальныхъ стихій истины, которыхъ мы никогда не въ состояніи были бы найти въ самихъ себѣ. Изъ своего собственнаго существа мы не имѣемъ силы и способности производить истину, а можемъ только пронзращать отводки ея въ нашемъ духѣ. Величайшіе гении, обогатившіе область истины на землѣ, каковы: Ньютонъ, Бэконъ, Паскаль, не находили въ своемъ обширномъ умѣ ни одной истины, которая бы не имѣла, близко или отдаленно, своего происхожденія въ ихъ связи съ родомъ человѣческимъ. Даже можно сказать, что ихъ удивительная плодовитость очень много зависѣла отъ безчисленныхъ обстоятельствъ времени и состоянія общества, въ которыхъ они жили, такъ что если бы поставить ихъ внѣ этихъ обстоятельствъ, они, быть можетъ, не произвели бы столь замѣчательныхъ твореній; а если бы ли-

шить ихъ всякаго общенія съ родомъ человѣческимъ, они не произвели бы ничего и остались бы съ естественною пустотою своихъ великихъ неразвитыхъ способностей.

Итакъ согласимся въ справедливости того заключенія, что со стороны общества, въ самыхъ отношеніяхъ его къ намъ, уже совершается *откровеніе* истины, по мѣрѣ того какъ мы проникаемся духомъ и условіями его жизни.

Теперь спрашивается, какимъ образомъ само общество человѣческое, въ свою очередь, оказывается имѣющимъ истину? Отъ рѣшенія этого вопроса никакъ не слѣдуетъ отдѣлываться какими нибудь двусмысленными отвѣтами и терять нить умс- заключенія, до котораго хотимъ дойти. Если каждый человѣкъ въ частности, какъ мы уже доказали, не приноситъ съ собою въ міръ ни одного готоваго понятія объ истинѣ, и способенъ только приумножать готовый капиталъ, какой находитъ въ мірѣ; то рѣшительно нѣтъ никакой возможности понять и объяснить, какимъ это образомъ общество, составляющее не больше, какъ только совокупность тѣхъ же самыхъ недѣлимыхъ, не приносящихъ съ собою никакого общественнаго вклада, оказывается однакожъ владѣльцемъ нестоцимаго капитала. Это-то и приводитъ насъ невольно къ тому заключенію, что какой-то высшій разумъ отдалъ обществу человѣческому за круговой порукой въ займы этотъ капиталъ для приращенія процентами и чрезъ это каждаго изъ насъ дѣлаетъ участниками въ томъ же займѣ.

Геній одного человѣка, или многихъ, народа или вѣка, какіе бы ни совершалъ огромные шаги на пути къ истинѣ, сколько бы ни расширялась, или сокращалась ея область отъ свободныхъ на-

пряженныхъ усилій разума человѣческаго; отъ случайныхъ открытій, или пероворотовъ въ судьбахъ человѣческихъ; все это объясняетъ только раскрытiе, ходъ истины, но нисколько не указываетъ на ея происхожденiе, на первый источникъ ея. Разсуждая о народѣ, такъ же какъ и о человѣкѣ, мы можемъ смѣло утверждать, что тотъ или другой народъ не самъ себѣ первоначально далъ истину, но принялъ ее отъ предшествовавшихъ ему, или сосѣднихъ съ нимъ народовъ, какими нибудь путями, влiянiями; равно и сiи народы въ свою очередь приняли ее отъ другихъ такимъ же образомъ. Какъ бы то ни было, только то несомнѣнно, что еслибы возможно было предположить совершенное и непреодолимое отдѣленiе извѣстнаго поколѣнiя людей отъ поколѣнiй предшествующихъ; такое поколѣнiе сколько бы ни трудилось само по себѣ, вѣчно осталось бы сѣдящимъ во мракѣ умственной смерти, навсегда лишеннымъ всѣхъ стихiй образованiя; въ немъ люди жили бы только по внушенiямъ инстинкта и чувственныхъ потребностей и скоро вымерли бы отъ нравственнаго истощенiя и разстройства своей животной жизни.

Неоспоримыя наблюденiя надъ дѣйствительными фактами служатъ подтвержденiемъ этого умозаключенiя. Хотя высказанное нами предположенiе никогда и нигдѣ не осуществлялось вполнѣ, однакожь дикiя орды, открытыя во внутреннихъ пустыняхъ Африки и Америки, и неподвижное состоянiе скотской дикости, въ какомъ онѣ, вслѣдствiе своего разобщенiя съ другими народами, проводили жизнь цѣлые вѣка, представляютъ достаточное свидѣтельство той истины, что и общество людское, такъ же какъ и частное лице, не можетъ само себѣ дать истины. Съ другой стороны, ходъ просвѣщенiя въ мiрѣ образованномъ показываетъ, какимъ обра-



зомъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, отъ народа къ народу, изъ вѣка въ вѣкъ, свѣтильникъ образованности, искусствъ и наукъ, изъ верхней Азіи, бывшей, какъ видно, первоначальнымъ его очагомъ, переходитъ въ Египетъ, потомъ въ Малую Азію, Грецію и ея колоніи, оттуда въ Римъ и настоящія государства западной Европы, изъ которыхъ разливается просвѣщеніе и образованность на всѣ страны міра. Такимъ образомъ въ этомъ преемственномъ переходѣ, въ этой строгой исторической послѣдовательности, истина является намъ какъ бы небесною путешественницею, входящею въ общеніе съ землею, открывающеюся какъ народамъ, такъ и частнымъ лицамъ. Но эта путешественница не родилась въ средѣ ихъ; а иначе можно было бы видѣть, какъ она появлялась разомъ въ одно и тоже время у различныхъ народовъ, разобценныхъ между собою и не вступающихъ въ сношенія другъ съ другомъ (\*).

Преслѣдуя теперь послѣдній выводъ нашего изслѣдованія и прилагая вышеизложенныя умоза-

---

(\*) Исторически доказано, что Востокъ былъ колыбелью рода человѣческаго. Колоніи, болѣе или мѣнѣе горячо привязанныя къ родовымъ своимъ семействамъ, или племенамъ, распространялись по разнымъ странамъ земнаго шара, унося съ собою не больше, какъ слабые запасы истины и сѣмена образованности, скоро истощавшіяся отъ ихъ уединенія и разобценности, тогда какъ главное хранилище просвѣщенія въ верхней Азіи поддерживалось и правильно разливало свой свѣтъ; откуда заимствовали просвѣщеніе, спустя много вѣковъ, и потомки первыхъ переселенцевъ. Впрочемъ недавнее происхожденіе рода человѣческаго на земномъ шарѣ, его первоначальное единство, по родоначальной семьѣ и языку, въ настоящее время составляетъ фактъ, добытый и неоспоримо утвержденный наукою, какъ и вѣрою. Мы къ нему еще возвратимся.

ключенія и наблюденія непосредственно къ первому поколѣнiю людей, явившихся на землѣ, мы опять встрѣчаемся съ вопросомъ: какимъ образомъ это первое общество могло само найти и усвоить себѣ свѣтъ истины, чтобы потомъ передавать его, какъ открытый, всѣмъ послѣдующимъ поколѣнiямъ и народамъ? Здѣсь эта трудная задача уже поставится у самыхъ послѣднихъ предѣловъ; дальше отдвигать ее нельзя: надобно произнести какое нибудь рѣшенiе. Но при рѣшенiи этого вопроса, поставленнаго съ такою точностию, не возможно дать мѣсто другимъ мнѣнiямъ. Ибо очевидно, что первые люди не имѣли возможности принять свѣтъ истины отъ другихъ людей, какъ отъ нихъ принимали послѣдующiя поколѣнiя, а съ другой стороны они, такъ же какъ и мы, неспособны были сами собою изобрѣсть его, дать его себѣ, а потому необходимо допустить, что и они получили его; отъ кого же? Больше не отъ кого, какъ отъ самаго Виновника ихъ жизни и разума. Слѣдственно надобно допустить, что въ началѣ существованiя рода человѣческаго было непосредственное сношенiе людей съ Богомъ, подобное тому, какое впослѣдствiи было между людьми и народами, передававшими другъ другу свѣтъ истины; т. е. было *первое откровенiе отъ Бога*.

Впрочемъ изслѣдованiе, приведшее насъ къ такому выводу, можетъ быть выражено въ самыхъ простыхъ положенiяхъ.

Весь этотъ вопросъ сводится къ тому: *врождены* ли каждому изъ насъ *истины необходимыя*, или *всеобщiя понятiя*? Если не врождены, то онѣ сообщаются посредствомъ общественной жизни каждому человѣку въ частности, раждающемуся въ обществѣ, а въ началѣ первому обществу человѣческому онѣ сообщены самимъ Богомъ, воспи-

тывавшимъ первыхъ людей, какъ въ послѣдствіи они воспитывали свое потомство.

Но система врожденныхъ понятій, вообще брошенная, по мнѣнію главныхъ сторонниковъ и защитниковъ ея, каковы преимущественно Декартъ и Лейбницъ, состоитъ въ допущеніи въ душѣ нашей только нѣкоторыхъ предрасположеній къ общимъ понятіямъ, или предощеніи ихъ, столь неопредѣленною, что оно почти тождественно съ нашими познавательными способностями вообще, не имѣетъ даже и настолько самостоятельнаго значенія, чтобы отрѣшиться отъ нихъ, возвышаясь до ясности и опредѣленной особыности понятія (\*).

Много ревности внушало своимъ сторонникамъ это ученіе изъ за того, что они употребляли справедливыя усилія отвергнуть противоположное ему ученіе, по которому утверждали, что ни одного понятія не бываетъ въ разсудкѣ нашемъ безъ предварительнаго дѣйствія предмета на наши чувства: «*nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu.*» Это послѣднее ученіе, какъ извѣстно, было распростра-

---

(\*) «Когда я говорилъ, пишетъ Декартъ, что идея о Богѣ врождена, я всегда разумѣлъ тоже самое, что разумѣетъ мой противникъ, т. е. что природа вложила въ насъ способность, которою мы можемъ познать Бога; но я никогда не писалъ и не думалъ, чтобы эти идеи были таковы, какія мы теперь имѣемъ, или чтобы онѣ были какими-то особыми видами способностей мышленія (*Lettres, t. II. p. 477*) «Надобно однакожь сознаться, говоритъ Лейбницъ, что свойственная намъ склонность принимать идею о Богѣ лежитъ *въ природѣ нашей*; и хотя бы приписывали первое наученіе откровенію, всегда зависеть отъ природы души та способность, какую люди обнаруживаютъ на опытѣ въ принятіи этого ученія. *Nouveaux essais sur l'entendement humain, liv. I.* Съ этимъ мы очень согласны.

няемо Локкомъ и Кондильякомъ и послужило основаніемъ матеріализму Кабани и Бруссэ.

Но нѣтъ никакой необходимости принимать *сенсуализмъ* Локка и Кондильяка тому, кто не хочетъ только стать на сторонѣ *идеализма* Декартова и Лейбница. Общій недостатокъ обѣихъ этихъ системъ, равно какъ и многихъ другихъ, тотъ, что онѣ составлены теоретически, а priori, а не опираются на прочной почвѣ наблюденія; частный же недостатокъ ихъ состоитъ въ томъ, что онѣ усвояютъ каждому человѣку лично тѣ свойства, которыя принадлежатъ только роду человѣческому. Въ самомъ дѣлѣ, наблюденіемъ доказана несправедливость того положенія, будто необходимыя истины, каковы общія истины естественной религіи и нравственности, достаются намъ отъ чувственнаго опыта. Не меньше доказана тѣмъ же путемъ несправедливость и того мнѣнія, будто эти истины врождены намъ и будто достаточно одного размышленія, чтобы вывести ихъ единственно изъ разума. Равнымъ образомъ недостатокъ точности и въ томъ случаѣ, когда утверждаютъ, будто эти истины вырабатываются дѣятельностію ума надъ чувственными впечатлѣніями, какъ пытался это доказать, послѣ Локка, Ларомигьеръ. Опроверженіемъ всѣхъ этихъ трехъ системъ служитъ то, что еслибы воспитать отдѣльно одного человѣка въ совершенномъ разобщеніи съ остальнымъ родомъ человѣческимъ, то онъ остался бы рѣшительно безъ разумной дѣятельности, хотя бы его и окружили всѣми средствами, при помощи которыхъ вырабатываются у насъ эти понятія.

Всѣ необходимыя истины, на которыхъ утверждается и которыми зиждется вся система нашихъ познаній, по своему началу, зависятъ отъ соприкосновенія и сношеній нашихъ съ обществомъ, въ

которомъ мы живемъ и въ которомъ на самомъ дѣлѣ существуютъ эти истины, гдѣ все взаимно отъ одного другому передается и изучается, даже самая добродѣтель. Все это основывается на наблюдѣнїи и сообщаетъ высшую силу доказательности тому, что прежде нами сказано о ходѣ просвѣщенїя въ родѣ человѣческомъ. Однимъ словомъ познаніе необходимыхъ истинъ, составляющихъ наши идеи, есть *природное достояніе* (*innèe*), но не въ частности каждаго человѣка, а общества человѣческаго.

Отсюда же само собою слѣдуетъ, что это пратеческое наслѣдіе истинъ, которыми владѣетъ общество, главнымъ образомъ, въ своей сущности, досталось ему не отъ людей, потому что люди способны только пользоваться имъ; а если не отъ людей, то оно могло достаться ему только единственно отъ Бога. Такимъ образомъ та программа началъ, совокупность которыхъ мы называемъ *разумомъ*, тотъ кодексъ правоученїя, основныя требованїя котораго мы усвояемъ *совѣсти*, словомъ, *естественные законы* познанїя и нравственной жизни представляются *естественными* только относительно, по вниманїю къ тому пути, какимъ они въ позднѣйшее время становятся намъ извѣстны, и къ тому положительному употребленїю, какое мы изъ нихъ дѣлаемъ; но сами по себѣ, по отношенїю къ собственной, личной природѣ каждаго изъ насъ, эти законы *естественные* представляются не иначе, какъ *законами откровенными*, намъ передаваемыми и нами принимаемыми; и только вслѣдствіе обратнаго дѣйствїя нашихъ способностей, предраположенныхъ воспринимать и усвоить ихъ себѣ, они дѣлаются для насъ *естественными* (\*).

---

(\*) Эта мысль имѣетъ за себя свидѣтельство въ опытѣ. Сколько есть

II. Эта важнѣйшая истина, объясняющая необходимость первоначальнаго откровенія, какъ бы ни была доказана приведенными изслѣдованіями о происхожденіи необходимыхъ и всеобщихъ истинъ на землѣ, можетъ однакожъ допустить нѣкоторое легкое сомнѣніе, какое остается на счетъ истинъ, наилучшимъ образомъ доказанныхъ, хотя бы за нихъ было единственное въ своемъ родѣ доказательство. Но послѣдующая мысль, самая плодovitая, впрочемъ не послѣдняя, составляетъ, въ отношеніи къ предыдущей, какъ бы ея копію и служить къ разширенію нашего убѣжденія въ ней. Я разумѣю происхожденіе языка. Происхожденіе слова человѣческаго рѣшительно не объяснимо безъ первоначальнаго откровенія.

Что такое слово человѣческое? Это, очевидно, чувственное выраженіе и какъ бы плоть мысли на

---

идей, которыя сдѣлались или дѣлаются болѣе и болѣе естественными, тогда какъ за осемнадцать вѣковъ онѣ не были таковыми. Я разумѣю всѣ идеи, *внесенныя* въ міръ христіанствомъ, которыя сначала обществомъ языческимъ были отвергаемы, какъ противуестественныя и противуобщественныя; а потомъ сдѣлались даже основаніями общественнаго права и всеобщими правилами нравственнаго смысла, такъ что мы теперь уже и не отличаемъ ихъ отъ законовъ естественныхъ. — Очень важна здѣсь та ошибка, которой дань заплатили лучшіе умы, и отъ того именно, что они были слишкомъ односторонни и въ нѣкоторомъ смыслѣ слишкомъ нравственны, по которой деятели послѣдняго вѣка показали всю несостоятельность и всю опасность, обративъ вытекающую изъ нея слѣдствія противъ христіанства; — ошибка эта въ томъ, будто *мы носимъ естественный законъ, написанный въ нашей совѣсти*. Этотъ образъ выраженія совершенно стереотипный и сдѣлался общеупотребительнымъ; но онъ не выдержитъ философскаго испытанія. Совѣсть, конечно, чрезвычайно расположена воспринимать законъ естест-

шей. Поэтому мысль должна существовать прежде слова. Надобно прежде умѣть мыслить, что бы имѣть возможность говорить; и люди, впервые начавшіе говорить, если они сами были изобрѣтателями своего слова, могли говорить не иначе, какъ при содѣйствіи и возбужденіи мысли. Это безспорно.

Но что же такое самая эта мысль, которая должна быть главнымъ дѣятелемъ въ изобрѣтеніи слова, что она, если не *внутреннее слово* ума, бесѣдующаго съ самимъ собою? А если такъ; то возможно ли мыслить тому, кто не умѣетъ еще говорить? Не выходитъ ли отсюда, что слово предшествуетъ мысли? Но мы уже показали, что изобрѣтеніе слова само по себѣ неизъяснимо безъ участія предваряющей его мысли. Въ этомъ роковомъ кругѣ человѣчество и было бы заключено, еслибы не догадалось, что выходъ изъ него возможенъ не иначе, какъ тѣмъ путемъ, которымъ обыкновенно идетъ

венный, но только этотъ законъ пишется въ ней рукою общества, а не одною рукою природы. Изъ уваженія къ достоинству метафоры, къ пользѣ самой мысли, сколько бы ни настаивали на томъ, что *мы носимъ естественный законъ, написанный въ нашей совѣсти*, надобно признаться, что онъ пишется *симпатическими чернилами*, которыя, по ихъ свойству, необходимо приближать къ общественному очагу и свѣтильнику религіи, чтобы они выступили и стали видимы для глазъ. «Главнѣйшія и важнѣйшія правила этаго закона, говоритъ Пуффендорфъ, такъ ясны и очевидны, что тѣ, кому они предлагаются, безспорно одобряютъ ихъ и *если однажды узнали ихъ*, они останутся неизгладимо въ ихъ сердцахъ.» Здѣсь замѣчательны два обстоятельства: одно—то, что мы познаемъ эти законы только тогда, когда *они предлагаются намъ*, а другое, — что ихъ *естественность* состоитъ въ сообразности и соответственности съ природою нашего разума.

въ семь случаѣ дитя, воспринимая одновременно и слово и движеніе мысли, подъ вліяніемъ друга, старшаго возрастомъ и болѣе его опытнаго въ семь дѣлѣ (\*).

Такое слѣдствіе неизбежно, если справедливо, что мысль, безъ участія которой невысказано изобрѣтеніе словъ, сама не можетъ быть понятна и представлена безъ участія слова, предварительно, или по крайней мѣрѣ совмѣстно существующаго.— Отъ этаго положенія все зависитъ и его то слѣдуетъ доказать обстоятельно.

Впечатлѣнія, производимыя въ насъ подлежащими чувствамъ предметами, оставляютъ въ душѣ нашей только образы и ощущенія. Дѣятельностію мышленія мы вводимъ потомъ въ собственное сознаніе эти образы и ощущенія; дѣлаемъ надъ ними отвлеченіе, сравниваемъ ихъ между собою, разлагаемъ, опредѣляемъ ихъ качества, выводимъ изъ нихъ слѣдствія утвердительныя, или отрицательныя, рассуждаемъ о цѣломъ составѣ ихъ и наконецъ произносимъ свое сужденіе или мнѣнія. Вотъ общій ходъ мышленія. Но чтобы отвлекать, разлагать мыслимые предметы, раздѣлять, выводить слѣдствія, обсуждать, словомъ, мыслить, для этого совершенно необходимо нашей познавательной способности имѣть въ своемъ распоряженіи какойнибудь словарь, съ помощію котораго она могла

---

(\*) Можно даже замѣтить, что дитя учится прежде говорить, чѣмъ мыслить. Сколько словъ находится въ его памяти, прежде чѣмъ чувства и мысль опредѣляются въ его душѣ. Долго говорить оно по мысли матери и его слово бываетъ только отголоскомъ ея мысли, и уже спустя долго его личная мысль развивается и посредствомъ самодѣятельности разума овладѣваетъ собственной почвою, приобрѣтенною посредствомъ слова и на вѣру.



бы обозначить приличными названіями, отличать и удерживать въ собственномъ сознаніи столь различные предметы и составныя стихіи своей мыслительной работы. Посредствомъ мышленія душа даетъ отчетъ самой себѣ. Въ дѣятельности мышленія мы, кажется, то разрозняемъ наши способности, чтобы заставить ихъ дѣйствовать каждую въ кругъ собственной дѣятельности, то собираемъ ихъ, чтобы вступить съ ними въ особое совѣщаніе; но тутъ опять необходимо, чтобы онѣ сносились какъ между собою, такъ и съ нашимъ сознаніемъ посредствомъ внутреннихъ соотвѣтствующихъ знаковъ, подобно тому, какъ мы обыкновенно сносимся съ другими людьми во внѣшней жизни нашей; безъ этаго наши способности оставались бы въ постоянномъ бездѣйствіи. Отсюда происходитъ то, что мышленіе не бываетъ безъ внутренняго самособесѣдованія, и самособесѣдованіе въ семъ случаѣ есть не что иное, какъ собесѣдованіе между разными способностями нашими. Оттого, когда мы бываемъ предзаняты какою либо мыслію, часто оказывается, что мы говоримъ себѣ во множественномъ числѣ, или чаще—въ третьемъ лицѣ, какъ будто бы въ насъ находится нѣсколько личностей. Здѣсь открывается глубокая тайна души, въ которой мы сознаемъ въ одно и тоже время простоту ея природы, при разнообразіи ея способностей, и разнообразіе ея способностей, при единствѣ и простотѣ ея природы; и здѣсь то, согласно тому, что говоритъ намъ христіанское ученіе о Троичности лицъ въ Единомъ существѣ Божіемъ, видимо оправдывается важнѣйшее слово Творца о человѣкѣ: *сотворимъ человека по образу нашему и по подобію!*

Но приведемъ это размышленіе, теперь, быть можетъ, еще слишкомъ смѣлое, къ болѣе прост-

тымъ положеніямъ. Всегда бываетъ, — это фактъ, подлежащій нашему внутреннему наблюденію и который мы можемъ повѣрять каждую минуту, — что намъ невозможно дать себѣ отчета ни въ одномъ опредѣленномъ понятіи безъ пособія того внутренняго слова, о которомъ мы выше говорили. Сколько ни старался Декартъ представить свой разумъ чистою доскою, сколько ни усиливался увѣрять себя, что онъ изгладилъ въ умѣ своемъ все, когда либо имъ принятое, для того, чтобы дойти до сознанія независимости своего разума и самостоятельности его познаній; но первый актъ его независимости, открыто выраженной въ изреченіи: *я мыслю, слѣдовательно существую*, есть не что иное, какъ заемъ, сдѣланный изъ сокровищницы слова его кормилицы, безъ которой онъ никогда не сѣумѣлъ бы привести въ собственное сознаніе *ни мысли, ни бытія*.

Это то и внушило Бональду ту извѣстную истину, «что надобно мыслить свое слово прежде, чѣмъ высказывать свою мысль;» (\*) Платону, — «что мысль есть бесѣда души съ самой собою» (\*\*); по этому то еще Евреи усвоили человѣку наименованіе *души говорящей*; поэтому же и греческое *logos* безразлично означаетъ и *слово* и *мысль*. Да и на языкѣ Евангелія, въ высшей степени точномъ, вѣчная *мысль*, или самосуца *Премудрость Божія*, отъ которой исходитъ свѣтъ истинный, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, называется также *словомъ* *logos*, *verbum* и больше ничего; какъ будто мысль есть нѣчто столь суще-

---

(\*) Великому имени Бональда здѣсь слѣдуетъ отдать честь и славу за то, что ученіе, нами изложенное, только имъ ясно опредѣлено и изложено общепонятно.

(\*\*) Plat., in Theoet. Op. t. II, p. 150 — 151.

ственно говорящее, что высшее и совершеннѣйшее выраженіе ея силы состоитъ въ томъ, когда она всецѣло воплощается въ словѣ и бываетъ больше *словомъ*, чѣмъ *мыслію*. Кромѣ сего въ простомъ опытѣ эта истина представляется ощутительно для всякаго. Когда мы говоримъ на иностранномъ языкѣ, то что здѣсь бываетъ? То, что прежде чѣмъ выражать нашу мысль словами иностраннаго языка, мы формируемъ въ своемъ умѣ на нашемъ природномъ языкѣ, и потомъ переводимъ ее на другой, съ какою быстротою ни совершалось бы эта работа преестественнаго воплощенія мысли въ словахъ двухъ языковъ, явленіе это всегда имѣетъ мѣсто, когда мы говоримъ на иностранномъ языкѣ. Мыслять, напримѣръ, по русски, а говорить по французски; этимъ то до очевидности доказывается необходимость особаго слова для движенія мысли (\*).

Опытнымъ доказательствомъ, еще болѣе раскрывающимъ эту необходимость, и подтверждающимъ все прежде сказанное нами объ участіи общества въ передачѣ и распространеніи общихъ истинъ между людьми, служитъ состояніе глухонѣмыхъ, у которыхъ, поколику они бываютъ предоставлены самимъ себѣ, нѣтъ ни мысли человѣческой, ни слова. Это фактъ столько же достовѣрный, какъ и рѣшительный. Всѣ, посвятившіе себя облегченію участи сихъ несчастныхъ и ихъ образованію, единодушно говорятъ въ подтвержденіе той опытной истины, что глухо-нѣмой, самъ по себѣ, совершенно чуждъ нравственно разумной жизни (\*\*). Одинъ де Жерандо, противу-

(\*) Всѣмъ этимъ вполне объясняется истинность изреченія Буало: «что хорошо понимаютъ, о томъ и говорятъ ясно.»

(\*\*) Въ Université catholique (liv. XI—septembre 1846) находится очень замѣчательное изслѣдованіе по сему предмету de la

поставляя теорію опыту, долго сомнѣвался въ этой истинѣ и оспаривалъ ее, но наконецъ дошелъ до очевидности и самъ началъ утверждать, что «тайны нравственно-разумнаго міра неизвѣстны глухо-нѣмымъ, напрасно было бы и требовать у «нихъ отчета въ этомъ дѣлѣ и одно только образозованіе можетъ ввести глухо-нѣмыхъ въ жизнь общественную, нравственную и религіозную.» (Hist.

Науе. Множество и разнообразіе самыхъ удовлетворительныхъ свидѣтельствъ совершенно достаточны для полнаго убѣжденія. въ этомъ, Приведемъ здѣсь хотя нѣкоторыя изъ нихъ. «Глухонѣмые, говорятъ аббатъ de l'Éreес, остаются нѣкоторымъ образомъ въ состояніи «животныхъ, пока не озаботятся извлечь ихъ изъ той страшной тьмы, «въ которую они погружены.»—«Ограничиваясь одними движеніями физическими, глухонѣмой, говоритъ аббатъ Sicard, пока не «разорвутъ покрыва, въ которомъ завитъ его разумъ, какъ мертвецъ, не имѣетъ даже инстинкта, служащаго руководителемъ у «животныхъ. Глухонѣмой,—одинъ, одинъ въ природѣ, безъ *всякой «возможной дѣятельности его разумныхъ «способностей, остающихся безъ движенія, «безъ жизни...* по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока благодѣтельная рука не пробудитъ его отъ смертнаго его сна. А «что касается нравственныхъ отношеній и обязанностей, онъ даже «не *подозрѣваетъ и существованія ихъ.* У него «есть только глаза для міра физическаго, а *добродѣтели «и пороки для него не существуютъ.* Таковъ «глухонѣмой въ своемъ естественномъ состояніи, и такимъ образомъ я имѣю возможность и основаніе послѣ долговременныхъ наблюденій, сдѣланныхъ мною во время сожителства съ «чимъ » Польмеръ,—знаменитый основатель школы глухонѣмыхъ въ Парижѣ, призванный въ ассизную палату Сенскаго Департамента, что бы быть толмачемъ глухонѣмаго, обвиняемаго въ воровствѣ, выразился въ слѣдующихъ словахъ: «да хорошо ли «уясняли себѣ понятіе о состояніи его лишенія? Вѣдь онъ «глухъ сугубо: глухъ потому, что лишенный слуха, онъ по-

de l'Academie des sciences, t. II, p. 453. 661. (Эта теорія многое имѣетъ противъ себя См. Смол. Епар. Вѣд. 1865 № 17 и слѣд.)

Не станемъ больше настаивать на этомъ фактѣ, удовлетворительно доказывающемъ необходимость слова для движенія мысли, и остановимся на томъ умозаключеніи, что необходимо умѣть обращаться съ словомъ, для того чтобы быть въ состояніи мыслить, равно какъ необходимо умѣть мыслить, для

«груженъ въ вѣчное молчаніе; глухъ, если можно такъ сказать, «и *разумомъ*, потому что ни одна благодѣтельная рука не «извлекла его изъ мрака невѣжества, который постоянно глубокою «массой его окружаетъ.» — Eschke, основатель и профессоръ такой же школы въ Берлинѣ, подобнымъ же образомъ судить о глухонѣмыхъ: «глухонѣмой, говоритъ онъ, живетъ только для себя «самаго; онъ не знаетъ никакихъ общественныхъ связей, не «*имѣетъ никакого понятія о добродѣтели*. «Одно воспитаніе можетъ поставить его выше животной жизни.» — César, сдѣланными въ Лейпцигѣ наблюденіями, подтверждаетъ все вышесказанное: «глухонѣмые, говоритъ онъ, дѣйствительно «имѣютъ наружный видъ человѣческій, но это почти все, что есть «у нихъ общаго съ другими людьми. Лишенные слова, они вмѣ- «стѣ съ тѣмъ лишены средства входить въ духовно-разумныя от- «ношенія съ людьми, заниматься какими нибудь общественными «обязанностями и отъ чувственной грубости возвышаться къ ду- «ховности разумной. Никогда они не будутъ имѣть успѣха въ «томъ, чтобы дѣятельною жизнью развить, образовать и укрѣпить «разумно-нравственныя силы своей души. Вслѣдствіе недѣятель- «ности, ихъ силы становятся даже со дня на день меньше спосо- «бными къ свойственнымъ ихъ природѣ проявленіямъ. Таково со- «стояніе ихъ разума. Не менѣе плачевно и состояніе сердца. По- «стоянно волнующимися ощущеніями, производимыми въ нихъ внѣшни- «ми предметами и страстями, раждающимися въ сердцѣ, они не «сознаютъ ни законовъ, ни обязанностей, ни справедливости, ни «зла; добродѣтель и порокъ для нихъ какъ бы не существуютъ...»

того чтобы быть въ состояніи относиться посредствомъ слова къ другимъ. Это, какъ мы сказали, роковой кругъ, изъ котораго родъ человѣческій никогда не вышелъ бы и который необходимо предполагаетъ первобытный фактъ слушанія человѣкомъ слова свыше, отъ котораго должны были родиться первыя мысли у перваго человѣка, какъ отголоски сего Божественнаго слова. Если мысль должна была предшествовать слову и ея дѣятельность необходима была для изобрѣтенія и образованія слова; то и мысль съ своей стороны, для самаго перваго движенія своей разумной дѣятельности, имѣла нужду въ совершенно готовомъ словѣ, безъ котораго никогда не сдѣлала бы она ни шагу, и, которое послужило ей какъ бы первою формою для ея перваго воплощенія и для образованія потомъ, по образу той же формы, внѣшняго, чувственнаго слова, или языка, долженствовавшего служить ей орудіемъ ея проявленій.

Ж. Ж. Руссо, — этотъ несговорчивый деистъ, старавшійся, сколько возможно, допускать то немного, то почти никакого участія со стороны Бога въ судьбахъ разума чаловѣческаго и считавшій самое слово: *откровеніе* оскорбленіемъ для природы, — былъ однакожъ одною силою законовъ логическихъ вынужденъ открыто сознаться, что происхождение языка неизъяснимо безъ первоначальнаго откровенія. Въ своемъ знаменитомъ трактатѣ о *происхожденіи и началахъ неравенства между людьми*, онъ поставляетъ вопросъ объ этомъ предметѣ и его неразрѣшимость путемъ естественнымъ въ такомъ видѣ. «Если люди имѣли нужду въ словѣ, чтобы научиться мыслить; то еще большую имѣли они нужду въ умѣннн мыслить, что бы раскрыть способность слова. И хотя бы объяснено было, какимъ образомъ звуки голоса приняты

«были за выраженія, соотвѣтствующія нашимъ понятіямъ; но все еще осталось бы неизвѣстнымъ, какъ они сами могли быть выраженіями этаго соотвѣтствія для такихъ понятій, которыя не относятся къ предметамъ чувственнымъ, и потому не могли бы обозначаться ни жестомъ, ни голосомъ. «А потому, едвали возможно составить сколько нибудь состоятельныя предположенія о происхожденіи этой способности сообщать свои мысли другимъ и устанавливать взаимное общеніе между душами. Что до меня, то, убѣжденный въ почти доказанной невозможности, чтобы языки могли родиться и образоваться при средствахъ чисто человѣческихъ, я предоставляю, кому угодно, принять на себя рѣшеніе этой трудной задачи.»

Это мнѣніе Руссо, тѣмъ болѣе замѣчательно, что оно совершенно безынтересно; потому что, оно никакъ не входило въ планъ его разсужденія, и истинно философская осторожность, какою оно отличается, состоитъ въ рѣшительной противоположности съ свойственными его уму наклонностію и потребностію давать себѣ отчетъ во всемъ. Тутъ онъ открыто признается, что происхожденіе языка непостижимо при однихъ условіяхъ и средствахъ человѣческихъ. Далѣе этаго ему нельзя было идти; онъ уронилъ бы себя во мнѣніи современниковъ своихъ и потерялъ бы занятое имъ своими разсужденіями мѣсто и значеніе смѣлаго и независимаго мыслителя, если бы забылся до того, что позволилъ бы сорваться съ пера своего той истинѣ катихизической, что вначалѣ Творецъ бесѣдовалъ съ своими разумными созданіями на землѣ. Здѣсь однако ясно выражено основаніе подлинной мысли Руссо насчетъ этаго вопроса. Ибо въ другомъ сочиненіи болѣе скромномъ, вышедшемъ въ свѣтъ

гораздо позже, о происхожденіи языковъ, онъ опять встрѣтился лицомъ къ лицу съ тѣмъ же вопросомъ и принялъ смѣлость предложить рѣшеніе на него истинное, скрываясь однакоже подъ именемъ отца Лами. «Во всѣхъ языкахъ, говоритъ онъ, «самыя живыя восклицанія—печленораздѣльны; оханья—простые грудные звуки; и нѣмые т. е. глухонѣмые, издають только печленораздѣльные звуки: «отецъ Лами даже не можетъ понять и представить, что бы люди когда либо могли изобрѣсти другія слова, если бы самъ Богъ нарочно не училъ ихъ слову» (\*).

Другія мнѣнія, по инымъ причинамъ, чѣмъ мнѣніе Жанъ Жака, достойныя уваженія, высказанныя прежде и послѣ него, выражаютъ ту же мысль, какъ единственную, которая можетъ удовлетворить здравый разумъ. Платонъ, въ сочиненіи своемъ о законахъ, сначала высказываетъ, что «всякій разумный человѣкъ долженъ быть очень благодаренъ древности за то, что она передала намъ великое множество словъ, удачно и естественно выражающихъ предметы» (\*\*). Потомъ выводитъ отсюда неоспоримое слѣдствіе такое: «что до меня, говоритъ онъ, то я за очевидную истину принимаю, что имена первоначально могли быть усвоены предметамъ только выше человѣческой властію, и оттого они такъ точны» (\*\*\*)).

(\*) Essai sur l'origine des langues Chap. IV.

(\*\*) De leg., L. VIII., op. 379.

(\*\*\*) In Crat., Op. t. II, 343. — Одинъ безымянный писатель говоритъ: «думаящія, что языки составляютъ изобрѣтеніе человѣческое и одолжены своимъ происхожденіемъ свободному опредѣленному соглашенію людей придавать извѣстныя названія тѣмъ или другимъ вещамъ, вѣкогда не размышляли внимательно о томъ, что они утверждаютъ. Для того, что бы установить свободное согла-



Знаменитый Вильгельм Гумбольдъ, сосредоточившій всѣ силы своего генія на сравнительномъ изученіи языковъ, въ ихъ отношеніяхъ грамматическихъ, философскихъ и историческихъ, и соединявшій съ провицательнѣйшею способностію созерцанія самую обширную ученость, никогда не могъ понять и объяснить постепеннаго образованія языка человѣческаго. Это не значитъ, будто онъ не удостоиваетъ уже никакого вниманія то объясненіе, которое представляетъ по сему предмету вѣра; нѣтъ, онъ только долго трудился надъ попытками, — усиленіями собственнаго разума дойти до инаго объясненія; онъ говоритъ и о *Божественной силѣ*, и о *творческомъ геніи*, и о *таинственномъ процессѣ природы* и о *первой причинѣ*; но не можетъ

«шеніе о чемъ нибудь, необходимо уже людямъ говорить и по-  
 «мать другъ друга, необходимо, чтобы звуки, произносимые од-  
 «нимъ человѣкомъ, въ душѣ другого соединялись съ извѣстными  
 «понятіями; необходимо однимъ словомъ, чтобы существовало уже  
 «общеніе между людьми посредствомъ слова для того, чтобы усво-  
 «ить новыя значенія новымъ словамъ. Безъ этого люди были бы  
 «тоже что нѣмые, по отношенію другъ къ другу, и у нихъ не было  
 «бы ничего общаго, кромѣ общихъ криковъ и воплей, выражаю-  
 «щихъ страсти и насильственные движенія и служащихъ къ соеди-  
 «ненію людей по установленію Творца, а не по свободному согла-  
 «шенію. Даже и тогда, когда установились языки, Арабъ не со-  
 «гласился бы съ Нѣмцемъ назвать предметы такъ или иначе, ес-  
 «ли они другъ друга не понимаютъ; а между тѣмъ и у того и у  
 «другаго есть уже готовыя слова, и дѣло только идетъ о томъ  
 «что бы согласился усвоить ихъ тотъ, кто не понимаетъ ихъ  
 «смысла. Это дѣло очень просто и очень естественно какъ и на-  
 «чала рѣчи. Но никогда не успѣли бы открыть и приложить ихъ  
 «къ дѣлу, если бы Богъ не научилъ человѣка языку, какъ сред-  
 «ству изясняться посредствомъ словъ.» *Explications de la*  
*Genése* in 12; Paris, 1732, t. II. p. 347.

ни на чемъ остановиться; и переходя отъ одной аналогіи къ другой, его строгій и искренній разумъ приводитъ его въ сущности къ той же истинѣ, которая представлялась столько очевидною Платону. Приводимъ мысль его буквально.—«Слово, по моему искреннему убѣжденію, должно быть разсматриваемо какъ нечто сосуществующее человѣку; иначе, если разсматривать его, какъ произведеніе разума человѣческаго, то *это рѣшительно неизяснимо*, при естественной простотѣ познаній первыхъ людей; языкъ не можетъ быть изобрѣтаемъ *безъ готоваго первообраза его у человѣка. Какимъ-то таинственнымъ процессомъ природы* языки были какъ бы вложены въ форму, но *въ форму живую*, изъ которой и вышли потомъ со всѣми своими прекрасными построеніями; и эта форма (въ которую они были вложены какимъ то *таинственнымъ процессомъ природы*) есть душа человѣческая—(\*). Я проникнуть убѣжденіемъ, что не слѣдуетъ пренебрегать этою *силою, по истинѣ Божественною*, скрывавшеюся въ способностяхъ человѣческихъ, этимъ *творческимъ гениемъ* народовъ, особенно въ первобытномъ состояніи, когда всѣ понятія и даже способности душевныя воспринимали болѣе живую силу отъ живости впечатлѣній, когда человѣкъ могъ предугадывать такія соотношенія, до которыхъ никогда не дошелъ бы тяжелымъ и медленнымъ путемъ опыта. Этотъ *творческій гений* можетъ переступить предѣлы, видимо положенные для прочихъ смертныхъ; и хотя невозможно прослѣдить его пути, но тѣмъ не менѣе очевидно его животворное присутствіе. А лучше, вмѣсто того чтобы въ изъ-

(\*) Memoires de l'Académie royale de Berlin classe historique et philosophique, 1820—21. Berl. 1822 p. 247.

«ясненіи происхожденія языковъ отвергать вліяніе «первой могущественной причины и начертывать всѣмъ имъ однообразный механическій путь, «по которому они будто бы тащились шагъ за шагомъ, отъ самаго грубаго начала до ихъ совершенства, я пристаю къ мнѣнію тѣхъ, которые происхожденіе языковъ поставляютъ въ связи съ непосредственнымъ откровеніемъ Божества» (\*).

(\*) Lettre à M. Abel Remusa, sur la nature des formes grammaticales par N. Q. de Humboldt, Paris, 1827. p. 13. Это послѣднее рѣшеніе, дѣйствительно-единственное, на которомъ только и могъ остановиться разумъ положительный, если уже дѣло доходить до того, что онъ отказывается образованіе языковъ признавать *дѣломъ челоѵческаго разума при естественной простотѣ его первоначальныхъ познаній*. А эти: *первая могущественная причина, — творческій геній, — таинственный процессъ природы*, — о которыхъ сначала говорить знаменитый ученый, составляютъ только излишнее многословіе, если они не употреблены въ значеніи *синонимъ* Божества. Эта тайная сдержанность, непозволяющая съ разу и открыто признать *откровеніе за начало языка*, не происходитъ ли отъ неразлучной даже съ силою ума челоѵческаго слабости — предпочитать свои собственные вымыслы тому, что составляетъ уже достояніе общаго вѣрованія, и находить удовольствіе въ измышленіи произвольныхъ причинъ, для того чтобы, благоговѣя предъ ними, благоговѣть предъ самимъ собою? «Это нѣчто похожее на то, какъ говорить Малевраншъ, когда дѣти трепещутъ предъ своими сверстниками напередъ уродливо выпачкавши имъ лице, или — если нужно болѣе благородное сравненіе, хотя и не столько, можетъ быть, вѣрное, — когда знаменитые Римляне питали благоговѣніе и страхъ къ вымысламъ собственнаго ума, безумно поклоняясь своимъ императорамъ, послѣ того какъ выпускали орла въ знакъ ихъ обоженія (Recherche de la verité, 2-e part, chap. III.).

Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ другаго исхода изъ этого лабиринта о происхожденіи слова человѣческаго; равно нѣтъ другаго исхода, какъ мы видѣли, и изъ лабиринта о происхожденіи общихъ истинъ на землѣ. Какіе бы ни дѣлали круги и извороты, всегда неизбѣжно прійти сюда. Въ извѣстномъ отношеніи объ эти проблеммы даже входятъ одна въ другую, къ отчаянію горделиваго духа человѣческаго, когда онъ не хочетъ принять ключа, предлагаемаго ему вѣрою для выхода изъ нихъ, ключа, который—одинъ и тотъ же какой предлагаетъ и здравый разумъ.

Вѣра, дѣйствительно, говоритъ намъ, что даръ истины и слова столько же необходимъ для души человѣческой, сколько сама душа необходима для жизни тѣла нашего. Тѣло, готовое для жилища души и служенія ей, способное всѣми органами своими выполнять ея отправленія, вѣчно бы оставалось мертвымъ трупомъ, не смотря на всѣ видимыя признаки его назначенія, никогда не могло бы дать само себѣ и малѣйшей искры жизни, если бы Богомъ не была введена и соединена съ нимъ душа. Душа, въ свою очередь, готовая воспринимать истину и служить ей разумно всѣми своими способностями, также вѣчно оставалась бы во мракѣ и умственной неподвижности, если бы Богъ не озарилъ ея мысль истинною, и не привелъ ее въ дрожаніе словомъ. Такимъ образомъ первое откровеніе представляется намъ какъ бы необходимымъ дополненіемъ творенія и окончательнымъ разрѣшеніемъ цѣли этаго великаго Божескаго дѣла, съ тѣмъ только существеннымъ различіемъ, что это послѣднее дѣло Божіе не повторяется по отношенію къ каждому изъ насъ, подобно тому, какъ повторяется дѣло творенія въ дарѣ души и тѣла каждому недѣлимому, но поддерживается и хранится только

во всемъ родѣ человѣческомъ, и что тогда какъ даромъ души и тѣла мы обязаны Богу при посредствѣ природы, Онъ благоволилъ, чтобы мы были обязаны Ему же даромъ истины и слова при посредствѣ общества, чрезъ преданіе общества хранящаго и сообщающаго каждому изъ членовъ своихъ эти дары Божіи. Чрезъ общество Онъ открываетъ Себя всѣмъ и каждому, какъ глава всѣхъ его членовъ. Сколько дивно и премудро такое устройство промысла Божія! Умъ даетъ намъ возможность проразумѣвать непреложное намѣреніе Творца,—возводить всѣхъ людей къ единенію духовному, къ чему Онъ и ведетъ насъ, обративъ истину въ нераздѣльное достояніе и наслѣдіе всѣхъ насъ; имъ же на будущее время, самыми законами природы, вопреки требованій деиствовъ, оправдывается возможность и богоприличный способъ вторичнаго откровенія, предопредѣленнаго для насъ Богомъ Творцемъ и Промыслителемъ нашимъ.

Съ даромъ слова, въ немъ и чрезъ него, Богъ, конечно, и сообщилъ человѣку извѣстныя познанія и истины, потому что оба эти предмета необходимо предполагаютъ взаимно другъ друга. Онъ, безъ сомнѣнія, научилъ человѣка тому, что всего нужнѣе было ему знать, и чего яснѣе всего требовала его разумонравственная природа. И какъ первую и главнѣйшую потребность его природы составляютъ истина, правда, любовь, вполне раскрывающіяся только въ Богѣ, Который Самъ по своему существу есть истина, любовь и полнота всякаго совершенства; то безъ сомнѣнія Богъ прежде всего и открылъ Самаго Себя человѣку, и этимъ откровеніемъ сообщилъ свободное направленіе къ Нему же, какъ источнику жизни и совершенства, всѣмъ раскрывающимся духовнымъ силамъ и способностямъ человѣка. Въ этомъ откровеніи Себя Самаго чело-

вѣку со стороны Бога, въ этомъ принятіи и усвоеніи откровенія Божія человѣкомъ и свободномъ стремленіи всѣхъ силъ его къ Богу и заключается Религія, или свободный союзъ между Богомъ и человѣкомъ.

Открытіе другихъ низшихъ истинъ могло быть предоставлено на послѣдующее время, чтобы возбуждать и питать любознательность, изощрять изобрѣтательность разума человѣческаго, однажды поставленнаго на поприще размышенія и изслѣдованія. Но истины религіозныя, какъ необходимѣйшія для знанія и вмѣстѣ недоступныя однимъ естественнымъ усиліямъ разума человѣческаго, необходимо должны были составлять главнѣйшій предметъ откровенія. Человѣку слѣдовало принять ихъ готовыя, данныя, а не самому доискиваться и находить ихъ (\*).



(\*) «Богъ предоставилъ времени порожденіе наукъ естественныхъ; но другія оставилъ за Собою; Онъ самъ создалъ ученіе нравственное и религіозное. — Первые зародыши сего ученія, вновь произведенныя Его рукою, были вложены Имъ въ души и понятія первыхъ людей. По этому естественно, древность, ближайшая къ сотворенію всего, должна служить для насъ образцемъ въ разсужденіи тѣхъ предметовъ, начала которыхъ она приняла въ чистѣйшемъ видѣ и передала намъ. Чтобы не впасть въ заблужденіе, намъ необходимо поступать по ея слѣдамъ; *insistere «vestigiis* (Joubert *Pencées* t. I, p. 409).

## ХРИСТИАНСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи, дитя, моя отрада;  
 Баюшки-баю!  
 Свѣтитъ яркая лампада  
 Въ колыбель твою.  
 Я предъ образомъ съ мольбою  
 За тебя стою,  
 Ты же спи, Господь съ тобою,—  
 Баюшки-баю!

Въ морѣ жизни бьетъ, клокочетъ  
 Мутный валь страстей;  
 Демонъ злой сгубить всѣхъ хочетъ,  
 Въ адъ свести людей  
 Но за насъ всѣхъ Искупитель  
 Пролилъ кровь Свою,..  
 Спи, дитя, Онъ твой Хранитель,—  
 Баюшки-баю!

Самъ узнаешь, будетъ время,  
 Что все—суета;  
 Понесешь святое бремя  
 Спасова креста;  
 Я Евангелъе святое  
 Въ даръ тебѣ даю...  
 Спи, дитя мое родное,—  
 Баюшки-баю!

Ты подвижникъ будешь строгой  
 И аскетъ душой,  
 Мать свою во имя Бога  
 Осѣвишь рукой

Много слезъ, цѣлуя руку,  
 Радостныхъ пролью;  
 Въ томъ любовь моя порукой...  
 Баюшки-баю!

Денно, ночью предъ иконою  
 Буду я въ мольбѣ,  
 Чтобы діаволь—врагъ исконный  
 Не вредилъ тебѣ  
 Предъ иконою въ лампаду  
 Масла подолью...  
 Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,—  
 Баюшки-баю!

Но и ты въ своемъ моленьи  
 Мать не забывай,  
 О здоровьи, о спасеньи  
 Чаще вспоминай.  
 Слышитъ Богъ молитву эту  
 Въ ангельскомъ краю...  
 Спи, пока заботы нѣту,—  
 Баюшки-баю!

А когда мой прахъ безъ духу  
 Скроютъ подъ землей,  
 Поминай тогда старуху—  
 Мать за упокой.  
 Чтобъ намъ быть, гдѣ Царь Небесный, —  
 Въ радостномъ раю...  
 Спи, младенецъ мой прелестный,—  
 Баюшки-баю!

*Діаконъ Назаровъ.*

г. Тамбовъ

Съ дозволенія цензуры. 13 Октября 1865 года.

Тамбовъ. Въ Типографіи Палаты Государ. Имущества.